

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Личная жизнь героев подобна вулкану!

Их судьба совершит не один
неожиданный поворот

Publishers Weekly

HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

Когда страсть оборачивается предательством...
Тогда вражда перерастает в любовь!

Обольщение

Продано более 14 миллионов экземпляров

Бренда Джойс

Обольщение

«Центрполиграф»

2012

Джойс Б.

Обольщение / Б. Джойс — «Центрполиграф», 2012

Жизнь Джулианны Грейстоун в унылой сельской глуши скрашивается пылким увлечением: юная англичанка бредит идеями французской революции, мечтая об установлении равенства и свободы повсюду. Однажды ей выпадает шанс позаботиться о непосредственном участнике этих событий – французском офицере Шарле Морисе. Герой революции так очарователен и смел, что Джулианна бросается в его объятия, забыв обо всем на свете. Увы, вскоре выясняется, что обольщение было лишь коварным планом таившегося под маской республиканца британского шпиона, аристократа и богача Доминика Педжета. Сердце Джулианны разбито, ведь теперь ее и Доминика разделяет крошечная бездна предательства. Но разное положение в свете, политика, война и даже обман – ничто, если в деле замешана любовь. Впрочем, однажды Джулианне тоже приходится примерить на себя роль предательницы...

© Джойс Б., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Бренда Джойс

Обольщение

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

1 июля 1793 года, близ Бреста, Франция

– Он жив?

Голос удивил его. Вопрос прозвучал где-то в отдалении. Слышалась английская речь. Резкая боль пронзила спину и плечи, словно кто-то вогнал в его тело гвозди, желая распять. Физические мучения были столь сильными, что он не мог говорить, лишь мысленно сыпал проклятиями. Что же случилось?

Сейчас его тело пылало огнем. А еще хуже было то, что он, похоже, задыхался. Да, он едва мог дышать. Казалось, будто неимоверная тяжесть давила на него. И он пребывал в кромешной тьме...

Но его сознание постепенно начинало работать. Тот человек только что говорил по-английски, но это было просто невозможно. Где он находится? Что, черт возьми, произошло?

И картины замелькали перед его мысленным взором, сменяя друг друга с потрясающей скоростью, сопровождаясь ужасающими звуками – душераздирающими криками раненых и умирающих среди грохота мушкетов и рокота пушек. Явственно предстала несущаяся потоком река, красная река крови французских крестьян, священников, дворян и солдат...

Он застонал. Он не мог точно вспомнить, как его ранило, и боялся, что может умереть. Что же, что же с ним стряслось?

До него донеслась чья-то речь, и голос показался знакомым.

– Он еле живой, Лукас. Потерял много крови и не приходил в сознание с полуночи. Мой врач не может точно сказать, выживет ли он.

– Что произошло? – спросил второй англичанин.

– Мы потерпели сокрушительное поражение при Нанте, месье, французы под командованием генерала Бирона разгромили нас наголову, но Доминик получил ранение не в битве. Прошлой ночью убийца поджидал его в засаде у моего дома.

И тут он осознал, что третий голос принадлежит его закадычному другу, Мишелю Жаклину. И даже уловил смысл сказанного: кто-то пытался убить его, потому что этот кто-то узнал, что он был шпионом.

– Боже праведный! – воскликнул второй англичанин.

С невероятным, продолжительным усилием воли Доминик сумел открыть глаза. Он лежал на берегу, на убогом соломенном ложе, укрытый одеялами. Волны бились о берег, а в темном ночном небе сверкали звезды. Над Домиником стояли трое мужчин в мундирах, бриджах и сапогах. Взор раненого затуманился, но он все еще мог кое-что разглядеть. Видел низкую и темную фигуру Мишеля, его запачканную кровью одежду, волосы, убранные назад и заплетенные в косу. Англичане казались высокими, ветер трепал их спускавшиеся до плеч волосы. Оба были вооружены пистолетами и кинжалами. Сейчас Доминик отчетливо слышал скрип деревянных мачт, хлопанье парусов, грохот подгоняемых ветром волн. А потом он вдруг понял, что больше не в состоянии держать глаза распахнутыми. Изнуренные, они сами собой закрылись.

Черт побери, он вот-вот потеряет сознание...

– За вами никто не следил? – резко спросил Лукас.

– Нет, но жандармы повсюду, друзья мои. Нам стоит поторопиться. Французы блокируют побережье – вы должны действовать осторожно, чтобы не нарваться на их суда.

Раздался бодрый голос другого англичанина, успокоивший:

– Бояться нечего. Никому еще не удавалось опередить военные корабли – или таможенников – с таким же блеском, как мне. Этой в высшей степени занимательной ночью, месье, к вашим услугам капитан Джек Грейстоун. И полагаю, вы уже знакомы с моим братом Лукасом.

– Знаком. Вы должны переправить раненого в Лондон, месье, – сказал Мишель. – Немедленно.

– В таком состоянии до Лондона он не доберется, – отозвался Джек. – Живым, по крайней мере.

– Мы заберем его в Грейстоун, – решительно бросил Лукас. – Это близко – и безопасно. И если ему повезет, он выживет, чтобы снова встать в строй и бороться.

– Что ж, идет. Позаботьтесь о нем как следует – мы в Вандее будем с нетерпением ждать его возвращения. Счастливого вам пути!

Глава 1

2 июля 1793 года, Пензанс, Корнуолл

Она сильно опаздывала.

Джулианна Грейстоун чуть ли не на ходу выпрыгнула из легкой двухколесной повозки, остановив ее перед магазином шляпника. Собрание общества проходило по соседству, в общей комнате гостиницы «Белый олень», но все пространство перед этим зданием было уже занято. Днем в гостинице всегда кипела жизнь. Джулианна еще раз проверила тормоза повозки, слегка похлопала старую кобылу по шее и быстро привязала ее к столбу.

Джулианна ненавидела опаздывать. Не в ее характере было тратить время попусту. Она относилась к жизни очень серьезно, в отличие от остальных знакомых ей дам.

Те женщины наслаждались модой и хождением по магазинам, общением за чаем и светскими визитами, танцами и зваными обедами, но они существовали совсем в иных обстоятельствах, нежели Джулианна. Она едва ли могла припомнить в своей жизни хоть несколько легкомысленных, праздных, заполненных пустяками дней. Отец ушел из семьи перед третьим днем рождения Джулианны, оставив семью в крайне бедственном финансовом положении. Он был младшим сыном своих родителей, без средств и богатого наследства, да еще и прожигателем жизни. Джулианна выросла в заботах о поместье, в хлопотах по хозяйству, которые ее ровесницы обычно оставляли своим слугам. Приготовить еду, вымыть посуду, принести дров, погладить рубашки братьев, накормить двух лошадей, почистить стойла... Всегда находилась работа по хозяйству, ждущая Джулианну. Ей всегда было чем заняться. Времени на все зачастую просто не хватало, поэтому-то она и считала опоздания непозволительными.

Конечно, дорога от ее дома в Сеннен-Коув до города занимала целый час. В тот день старшая сестра Джулианны, Амелия, взяла карету. Каждую среду, что бы ни случилось, Амелия возила маму в гости к соседям, совершенно не заботясь о том, что мама уже никого не узнавала. Мама была нездорова. Она редко здраво мыслила о себе самой и иногда не узнавала даже собственных дочерей, но светские визиты обожала. Никто не мог сравниться с мамой в искусстве легкомысленно и весело щебетать с окружающими. Она часто представляла себя юной дебютанткой, окруженной оживленными подругами и галантными поклонниками. Джулианне казалось, что она понимает, как росла ее мать – в доме, битком набитом всевозможными предметами роскоши, где о ней заботились самым тщательным образом. Это было еще до того, как американцы обрели независимость, в те годы, когда развязывались лишь незначительные, редкие войны – это было время без страха, злобы и революции. Время подлинного блеска и безразличного ко всему вокруг чрезмерного показного шика, время кричащего сибаритства, время, когда никому не было дела до невзгод простого человека, живущего по соседству.

Бедная мама! Она начала терять разум вскоре после того, как отец бросил их ради игорных залов и распутниц Лондона, Антверпена и Парижа. И все-таки Джулианна не была уверена в том, что именно разбитое сердце заставило маму лишиться рассудка. Все наверняка объяснялось намного проще и приземленнее: мама всего-навсего не смогла совладать с мрачными, грозными обстоятельствами современного мира.

Но их врач сказал, что маму необходимо время от времени вывозить на прогулки. И все в семье согласилось с этим. Поэтому Джулианне и пришлось довольствоваться двухколесной повозкой и двадцатилетней кобылой. А один час пути превратился в два.

Никогда прежде Джулианна так не сгорала от нетерпения. Она прямо-таки жила этими ежемесячными собраниями в Пензансе. В прошлом году, после свержения с престола короля Людовика XVI и провозглашения Франции республикой, Джулианна вместе со своим другом, Томом Трейтоном, который придерживался тех же радикальных взглядов, что и она сама, создала общество. Оба основателя поддерживали Великую французскую революцию с того

момента, как стало понятно: в этой стране грядут большие перемены, которые помогут смягчить бедственное положение крестьянства и среднего класса. Впрочем, ни Джулианна, ни Том даже не мечтали о том, что старый режим в конечном счете падет.

Каждая неделя знаменовалась новыми перипетиями в крестовом походе Франции за свободу простого народа. Как раз в прошлом месяце лидеры якобинцев осуществили переворот в Национальном конвенте, арестовав многих своих противников. В результате была принята новая конституция, предоставившая всем без исключения гражданам право голоса! Это представлялось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Не так давно был создан Комитет общественного спасения, и Джулианне не терпелось узнать, к каким реформам в самое ближайшее время это может привести. А потом начались эти войны на Европейском континенте... Новая Французская республика должна была принести свободу всей Европе. В апреле 1792 года Франция объявила войну Габсбургской империи. Впрочем, далеко не все разделяли радикальные взгляды Джулианны и Тома, их воодушевление по поводу нового строя во Франции. В прошлом году, в феврале, Великобритания присоединилась к Австрии и Пруссии, вступив в войну против Франции.

– Мисс Грейстоун!

Джулианна собралась было позвать мальчика-слугу в ливрее, стоявшего по другую сторону улицы, и попросить напоить кобылу. Но, услышав чей-то резкий, скрипучий голос, напряженно замерла и медленно обернулась.

Ричард Колмс, владелец шляпного магазина, нахмурившись, смотрел на нее.

– Вы не можете оставлять повозку здесь.

Джулианна совершенно точно знала, почему ему вздумалось конфликтовать с ней. Она смахнула с лица завиток светлых, пшеничного оттенка, волос и подчеркнуто вежливо произнесла:

– Это – общественная улица, мистер Колмс. О, и добрый день, кстати. Как поживает миссис Колмс?

Шляпник был низким, пухленьким человеком с седыми усами. Его парик не был напудрен и все же выглядел прекрасно, по-настоящему изысканно. Впрочем, весь облик мистера Колмса казался безупречным, от светлых чулок и лакированных туфель до украшенного вышивкой верхнего платья.

– Я не буду мириться с существованием вашего общества, мисс Грейстоун.

Джулианну так и тянуло громко выразить негодование, но вместо этого она лишь мило улыбнулась и пустилась в объяснения:

– Это едва ли можно назвать моим обществом...

– Но это ведь именно вы основали его. Вы, радикалы, строите козни, готовя крах этой великой страны! – воскликнул он. – Вы все – якобинцы и встречаетесь, чтобы обменяться своими ужасными задумками, прямо по соседству со мной! Вам должно быть стыдно, мисс Грейстоун!

Ну а теперь уже не было ни малейшего смысла улыбаться.

– Это – свободная страна, сэр, и всем нам предоставлено право на собственные взгляды. И мы определенно можем встречаться по соседству с вами, если Джон Фовей разрешает нам делать это.

Фовей, стоит заметить, был хозяином гостиницы.

– Этот Фовей безумен точно так же, как и вы! – вскричал шляпник. – Мы находимся в состоянии войны, мисс Грейстоун, а вы и вам подобные поддерживаете врагов. Если они пересякут Ла-Манш, то вы, несомненно, встретите французскую армию с распростертыми объятиями!

Джулианна горделиво вскинула голову.

– Это очень сложный вопрос, а вы все упрощаете, сэр. Я поддерживаю предоставление прав каждому, абсолютно всем – даже бродягам, которые стекаются в этот город, прося милостыню на более или менее сносный кусок хлеба. Да, так вышло, что я поддерживаю революцию во Франции – точно так же, впрочем, как и множество наших соотечественников! В этом я составляю компанию Томасу Пейну и Чарльзу Фоксу – и это лишь некоторые выдающиеся умы, признающие, что перемены во Франции произошли на благо всего человечества. Я причисляю себя к радикалам, сэр, но...

Он прервал ее:

– Вы – предательница, мисс Грейстоун, и, если вы не уберете отсюда свою повозку, я сделаю это за вас.

Шляпник повернулся и прошагал в свой магазин, громко хлопнув за собой дверью. Оконное стекло задребезжало, дверные колокольчики зазвенели.

Джулианна вздрогнула и почувствовала, как тошнота подступает к горлу. Подумать только, как все обернулось, а ведь она всего-навсего собиралась сказать шляпнику о том, как сильно любит свою страну! О том, что можно быть патриотом и все равно поддерживать новую конституционную республику во Франции. Можно быть патриотом и все-таки отстаивать необходимость политических реформ и социальных преобразований – как за границей, так и здесь, на родине.

– Идем, Милли, – позвала Джулианна кобылу. И повела лошадь с повозкой через дорогу, к платной конюшне, все еще переживая недавний жаркий спор. С каждой проходящей неделей Джулианне становилось все труднее и труднее общаться с соседями – людьми, которых она знала всю свою жизнь. Когда-то в любом магазине или салоне ее приветствовали с распростертыми объятиями и сердечными улыбками. Теперь все было иначе.

Революция во Франции и последовавшие за ней войны на Европейском континенте разделили страну.

И теперь Джулианне приходилось платить за привилегию оставить свою кобылу в конюшне – именно в то время, когда требовалось экономить буквально на всем. Войны взвинтили цены на продукты питания, не говоря уже о множестве остальных товаров. Поместье Грейстоун могло похвастать процветающим оловянным рудником и столь же эффективным железорудным карьером, но Лукас инвестировал большую часть доходов имения, пытаясь обеспечить будущее всей семьи. Лукас был бережлив, как, впрочем, и все они – за исключением Джека, который слыл в высшей степени безрассудным, что, вероятно, объяснялось его амплуа искусного контрабандиста. Лукас находился в Лондоне – во всяком случае, Джулианна так думала, хотя это представлялось несколько подозрительным – он, казалось, постоянно торчал в городе! Что же касается Джека, то, зная своего брата, Джулианна могла предположить, что он, скорее всего, был сейчас в море и убегал от очередного таможенного судна.

Она выбросила из головы переживания о непредвиденных расходах, раз уж избежать платы все равно не удалось, и постаралась на время забыть о недавней неприятной беседе со шляпником, подробностями которой можно было поделиться с сестрой позже.

Поспешив вперед, Джулианна смахнула пыль с веснушчатого носа, а потом и со своих муслиновых юбок, энергично похлопав по ткани. Дождя не было всю неделю, и дороги пересохли до невозможности. Платье вместо привычного цвета слоновой кости приобрело бежевый оттенок.

По мере приближения к табличке с названием общества, висевшей перед парадной дверью гостиницы, волнение Джулианны стремительно нарастало. Она собственноручно нарисовала эту вывеску.

Табличка гласила: «Общество друзей простых людей. Вновь прибывшим – добро пожаловать. Никаких членских взносов не требуется».

Последнее предложение было предметом особой гордости Джулианны. Не на жизнь, а на смерть боролась она со своим верным другом Томом Трейтоном, убеждая его отказаться от любой платы за членство. Разве не на тех же позициях стоял Томас Харди, создавая корреспондентские общества? И неужели, позволив любому мужчине или любой женщине участвовать в собраниях общества, они не способствовали тем самым продвижению идей равенства, свободы и прав человека? Никому не стоило отказывать в возможности поучаствовать в движении, которое могло принести освобождение, только потому, что он или она не в состоянии были позволить себе ежемесячные членские взносы!

Джулианна вошла в темную, прохладную общую комнату гостиницы и тут же увидела Тома. Он был примерно ее роста, с выющимися русыми волосами и приятными чертами лица. В свое время Тома, сына зажиточного сквайра, отправили на учебу в Оксфорд. Джулианна думала, что по окончании университета Том останется жить в Лондоне, но вместо этого он вернулся домой, чтобы открыть в городе адвокатскую практику. Большинство его клиентов составляли контрабандисты, пойманные властями. К сожалению, Тому не удалось успешно защитить в суде двух своих последних клиентов: их приговорили к двум годам каторжных работ. Разумеется, они были виновны по всем пунктам, и все знали это.

Том стоял в центре комнаты, в то время как все остальные сидели за столами и на скамейках. Джулианна сразу же заметила, что число участников в который раз сократилось – их было даже меньше, чем на прошлом собрании общества. В комнате присутствовали лишь две дюжины мужчин – все сплошь шахтеры, рыбаки и контрабандисты. С тех пор как Англия присоединилась к военной коалиции против Франции, в отдельных районах страны наблюдался подъем патриотизма. Люди, поначалу поддерживавшие революцию, теперь снова обретали Бога и страну. Джулианна считала такую смену гражданской позиции неизбежной.

Том увидел Джулианну. Его лицо оживилось, и он бросился вперед:

– Ты так опаздываешь! Я боялся, что-то случилось и ты не сможешь присутствовать на нашем собрании.

– Мне пришлось взять Милли, а она идет еле-еле, – ответила Джулианна и, понизив голос, добавила: – Мистер Колмс не позволил мне оставить повозку перед его магазином.

Голубые глаза Тома гневно вспыхнули.

– Реакционный ублюдок!

Она коснулась руки друга:

– Он напуган, Том. Как и все остальные. И не понимает сути того, что происходит во Франции.

– Да, он боится, что мы заберем его магазин и его дом и передадим все это простым людям. И возможно, ему действительно стоит бояться, – подхватил Том.

За прошлый год, уже после создания этого общества, они успели разойтись во взглядах на способы и средства проведения реформ.

– Мы едва ли можем помышлять о лишении граждан их собственности и такого стабильного положения, как у Ричарда Колмса, – мягко упрекнула Джулианна.

Том вздохнул:

– Я, конечно, настроен слишком радикально, но не возражал бы против лишения собственности графа Пенроузского и барона Сент-Джаста.

Джулианна знала, что он не шутит. Она улыбнулась:

– Мы можем подискутировать об этом в другой раз?

– Я знаю, на самом деле ты согласна с тем, что у богатых всего чересчур много – просто потому, что они унаследовали свои состояния или им были пожалованы земли и титулы, – упрямо стоял на своем Том.

– Я действительно согласна с этим, но тебе прекрасно известно и то, что я не оправдываю массового воровства у аристократии. Что ж, мне хотелось бы узнать, что вы тут обсуждали без меня. Что произошло за последнее время? Есть какие-нибудь новости?

– Тебе следует присоединиться к реформаторам, Джулианна. На самом деле ты не столь радикальна, как тебе нравится думать, – проворчал он. – А произошло сокрушительное поражение. Вандейские роялисты были разбиты при Нанте.

– Это отличные новости! – отозвалась Джулианна, не веря своим ушам. – Последнее, что мы слышали, – это как роялисты нанесли поражение нашим друзьям и заняли участок вдоль реки в Сомюре.

Завоевания французских революционеров на территории их родной страны нельзя было ни в коей мере считать незыблемыми, ведь по всей Франции развернулось внутреннее сопротивление. Этой весной в Вандее вспыхнул серьезный мятеж роялистов.

– Я знаю. Но теперь удача решительно отвернулась от них. – Том улыбнулся и взял Джулианну за руку. – Будем надеяться, что проклятые мятежники в Тулоне, Лионе, Марселе и Бордо скоро падут. Да и те, в Бретани, тоже.

Они переглянулись. Размах противодействия революции внутри Франции пугал.

– Я должна немедленно написать нашим друзьям в Париже, – решила Джулианна. Одной из задач существования всех корреспондентских обществ было поддержание тесного контакта с якобинскими клубами во Франции и демонстрация им всемерной поддержки дела революции. – Возможно, нам удастся предпринять и нечто большее здесь, в Англии, кроме того, чтобы просто встречаться и обсуждать последние события.

– Ты могла бы направиться в Лондон и проникнуть в надлежащие круги тори, – предложил Том, пристально глядя на нее. – Твой брат – тори. Он прикидывается простым корнуольским горняком, но Лукас – правнук барона. У него обширные связи.

В душе Джулианны зародилась смутная тревога.

– На самом деле Лукас – лишь патриот... – принялась оправдываться она.

– Твой брат – консерватор и тори, – упорствовал Том. – Он знаком с людьми, наделенными властью, людьми, обладающими информацией, людьми, близкими к Питту и Уиндхэму. Я убежден в этом.

Джулианна скрестила руки на груди, словно собираясь защищаться.

– Он имеет право на собственное мнение, даже если оно противоречит нашим взглядам.

– Я и не говорил, что он не имеет такого права. Я лишь упомянул о том, что у него широкие связи с влиятельными людьми. Кому, как не тебе, знать об этом!

– И ты предлагаешь мне отправиться в Лондон и шпионить за своим братом и его знакомыми? – ошеломленно спросила она.

– Я не говорил этого, но идея не лишена смысла, – улыбнулся Том. – Ты могла бы поехать в Лондон в следующем месяце, раз уж не сможешь присутствовать на съезде в Эдинбурге.

Томас Харди организовал съезд корреспондентских обществ, и чуть ли не каждое такое общество страны отправляло делегатов в Эдинбург. Том вполне мог представить их общество. Но с тех пор, как Англия вступила в войну против Франции, ситуация изменилась. На радикалов и радикальные клубы уже не смотрели со снисходительной усмешкой. Теперь речь шла о подавлении подобного движения со стороны государства. Все вокруг знали, что премьер-министр буквально терпеть не может всех радикалов, точно так же, как и многие окружающие его министры, да и сам король Георг.

Что ж, пришло время донести до всего английского правительства, а особенно до премьер-министра Питта: властям не удастся подавить или побороть оппозицию – ни сейчас, ни вообще когда бы то ни было. Радикалы продолжают пропагандировать и поддерживать движение за права человека и революцию во Франции. Кроме того, они по-прежнему будут выступать против войны с новой Французской республикой.

Другой, уже не такой многочисленный съезд обществ должен был пройти в Лондоне, под самым носом у английского правительства. Джулианна надеялась изыскать какие-то средства, чтобы присутствовать на этом собрании, но поездка в Лондон стоила очень дорого. Неужели Том на самом деле предлагает ей это?

– Я не шпионю за своим братом, Том. Надеюсь, ты пошутил.

– Конечно, я не всерьез, – поспешил заверить соратник. А когда Джулианна с сомнением воззрилась на него, добавил: – Я собирался написать нашим друзьям в Париж, но почему бы тебе не сделать это? – Том коснулся ее подбородка. Взгляд друга смягчился. – Ты лучше меня владеешь словом.

Джулианна улыбнулась ему, действительно надеясь, что он не просил ее шпионить за Лукасом, который не относился к тори и ничуть не интересовался войной.

– Да, так и есть, – сказала она, стараясь казаться легкомысленной.

– Давай присядем. У нас впереди еще добрый час дискуссии, – отозвался Том, ведя ее к скамье.

Весь следующий час они обсуждали недавние события во Франции, предложения палаты общин и палаты лордов, а заодно и последние политические сплетни, дошедшие из Лондона. К моменту окончания встречи часы показывали почти пять вечера. Том проводил Джулианну на улицу.

– Я знаю, что еще рано, но ты не откажешься поужинать со мной?

Джулианна замялась. Они ужинали вместе месяц назад, после собрания общества. Помнится, когда Том собирался помочь Джулианне сесть в экипаж, он вдруг прижался к ней, а потом посмотрел на нее так, словно хотел поцеловать.

Джулианна тогда совсем растерялась, не зная, что делать. Том целовал ее один раз прежде, и это оказалось приятным, но не чрезвычайно важным. Она нежно, по-дружески любила Тома, но совершенно не стремилась целовать его. И при этом не сомневалась в том, что Том в нее влюблен. У них оказалось так много общего, что Джулианна и сама хотела его полюбить. Он ведь был таким прекрасным человеком и хорошим другом!

Джулианна знала Тома с детства, но они не общались до того момента, пока два года назад не заметили друг друга на политической встрече в Фалмуте. Это и стало настоящим началом их дружбы. Со временем Джулианне становилось все понятнее, что ее чувства были скорее сестринскими и платоническими, чем романтическими.

И все же ужины с Томом доставляли ей истинное удовольствие – у них всегда находились темы для оживленного обсуждения. Джулианна собралась было принять его приглашение, но нерешительно замерла на месте, заметив мужчину, который скакал на гнедом мерине вверх по улице.

– Это Лукас? – спросил Том, удивленный не меньше Джулианны.

– Вне всяких сомнений, – ответила она, расплываясь в улыбке.

Лукас был на семь лет старше Джулианны, ему исполнилось двадцать восемь. Он был высоким, мускулистым, с классически точеными чертами лица, пронизательными серыми глазами и золотистыми волосами. Женщины неустанно пытались привлечь его внимание, но, в отличие от Джека, самозванца и жулика, Лукас был джентльменом. Привыкший держаться скорее отчужденно, он слыл человеком внушительной дисциплины и не менее значимого долга, связанным обязанностями по содержанию семьи и поместья.

Для Джулианны Лукас был скорее отцом в ее идеальном представлении, а не братом, и она уважала его, восхищалась им и горячо любила.

Лукас остановил своего взмыленного мерина перед Джулианной, и восторг, охвативший ее при виде брата, испарился. Лукас выглядел мрачным. Джулианна вдруг вспомнила о смелой вывеске, маячившей как раз за ее спиной, приветствуя прибывших на встречу их общества. Оставалось только надеяться, что брат табличку не заметит.

Лукас, облаченный в коричневый сюртук, бордовый жилет, батистовую рубашку, светлые бриджи и покрытые слоем пыли черные сапоги, прыгнул с гнедого мерина. Лукас не надел парик, его волосы были небрежно убраны назад.

– Добрый день, Том. – Он пожал руку другу сестры, даже не улыбнувшись. – Все еще увлекаетесь глупостями, призывая к мятежу, как я посмотрю.

Улыбка сбежала с лица Тома.

– Это несправедливо, Лукас.

– Война никогда не бывает справедлива, – отрезал он, обратив холодный пристальный взгляд серых глаз на Джулианну.

Брат уже несколько лет неодобрительно относился к ее политическим воззрениям, а с тех пор, как Франция объявила войну Англии, и вовсе рьяно осуждал их. Джулианна нерешительно улыбнулась:

– Оказывается, ты – дома. Мы не ждали тебя.

– Кто бы сомневался. Я проскакал галопом весь путь от Грейстоуна, Джулианна. – В его тоне ясно послышалось предостережение. В раздраженном состоянии Лукасу было свойственно проявлять жесткость характера. Вот и теперь Джулианна видела, что брат в гневе.

Все ее тело сковало напряжением.

– Как я понимаю, ты искал меня? – догадалась она, и мысли судорожно заметались в голове. Что же произошло? – Случилось нечто чрезвычайное? – с тревогой бросила она, и сердце вдруг будто остановилось. – Что-то с мамой? Или Джека схватили?!

– Мама в полном порядке. Точно так же, как и Джек. Нам нужно переговорить с глазу на глаз, и это не терпит отлагательств.

Лицо Тома помрачнело.

– Ты поужинаешь со мной в другой раз, Джулианна?

– Конечно, – заверила она.

Том любезно кивнул Лукасу, который даже не шелохнулся. Когда верный соратник удалился, она обернулась к брату, окончательно сбита с толку:

– Ты сердись на меня?

– Я не мог поверить своим ушам, когда Билли сказал мне, что ты отправилась в город, чтобы присутствовать на каком-то собрании! Я сразу понял, что он подразумевает, – объяснил Лукас, имея в виду мальчика, который приходил к ним каждый день, чтобы помогать ухаживать за лошадьми. – Мы уже обсуждали это, причем несколько раз – и совсем недавно, после майской прокламации короля!

Джулианна скрестила руки на груди.

– Да, мы говорили о нашем расхождении во мнениях. И ты прекрасно знаешь, что не имеешь права навязывать мне свои взгляды тори.

Лукас вспыхнул до корней волос, осознавая, что сестра хотела задеть его.

– Я едва ли желал изменить твою точку зрения! – воскликнул он. – Но я собираюсь защитить тебя от себя самой. Боже милостивый! Майская прокламация четко запрещает подстрекательские к мятежу собрания, Джулианна. Одно дело – заниматься подобной деятельностью до издания прокламации, но ты не можешь продолжать в подобном духе теперь.

В некотором смысле Лукас был прав, подумала Джулианна, и было весьма ребячески называть его тори.

– А с чего ты взял, что наше собрание подстрекает к мятежу?

– С того, что я тебя знаю! – взорвался он. – Активная борьба за права простых людей – достойная восхищения причина, Джулианна, но мы находимся в состоянии войны, и ты поддерживаешь правительство, которое считается вражеским. Это – подстрекательство к мятежу, подрывная деятельность, которая может расцениваться даже как государственная измена.

Серые глаза брата вспыхнули.

– Слава богу, мы в Сент-Джасте, где на наши дела решительно плевать всем, кроме таможенников!

Джулианна задрожала, вспомнив крайне неприятную стычку со шляпником.

– Мы собираемся здесь, чтобы обсудить ход войны и события во Франции, а заодно поддержать взгляды Томаса Пейна. Только и всего. – Она попыталась успокоить брата, хотя прекрасно понимала: если правительству когда-либо вздумается озаботиться существованием этого маленького клуба, всех их могут обвинить в подстрекательстве к мятежу. Впрочем, английское правительство даже не догадывалось о существовании их общества.

– Ты ведешь переписку с тем проклятым клубом в Париже – и даже не думай отрицать это. Амелия все мне рассказала.

Джулианна поверить не могла, что сестра так обманула ее доверие.

– Я поделилась с ней по секрету!

– Она тоже хочет защитить тебя от себя самой! Ты должна отказаться от посещения подобных мероприятий. А заодно и прекратить всю переписку с этим чертовым якобинским клубом во Франции. Эта война – очень серьезное и опасное дело, Джулианна. Люди умирают каждый день – и не только на полях сражения во Фландрии и на Рейне. Они гибнут на улицах Парижа и на деревенских виноградниках! – Взгляд Лукаса горел яростным огнем, но брат контролировал свой тон. – Я слышал разговоры в Лондоне. Терпеть вражескую агитацию больше не будут – только не теперь, когда наши люди умирают на континенте, не теперь, когда наши друзья толпами бегут из Франции.

– Это твои друзья, не мои, – вырвалось у Джулианны прежде, чем она осознала, что говорит.

Лукас вспыхнул:

– Ты никогда не отвернулась бы от попавшего в беду человека, даже если бы он оказался французским аристократом.

Он был прав. Но Джулианна горделиво выпрямилась:

– Мне жаль, Лукас, но ты не можешь приказывать мне точно так же, как Джек – своим морякам.

– О, еще как могу! Ты – моя сестра. Тебе двадцать один год. Ты живешь под моей крышей и на моем попечении. Я – глава этой семьи. И ты сделаешь то, что я скажу, – в виде исключения для своей чрезмерно независимой жизни.

Она замолчала в нерешительности. Стоит ли ей продолжать в том же духе и просто-напросто – открыто – не повиноваться сейчас брату? Что тогда он предпримет? Лукас никогда не оставил бы ее в покое, он силой увез бы ее в Грейстоун.

– Замышляешь бросить мне вызов? – не веря своим глазам, осведомился он. – После всего, что я сделал для тебя, – после всего, что я обещал для тебя сделать?

Джулианна залилась краской. Любой другой опекун к этому моменту уже заставил бы ее выйти замуж. Лукаса нельзя было назвать романтиком, но он, казалось, действительно хотел, чтобы сестра нашла поклонника, которого смогла бы искренне полюбить. Однажды Лукас сказал Джулианне, что не может представить ее будто цепями прикованной к какому-нибудь заурядному старому сквайру, считающему беседы на политические темы безумным лепетом. Вместо этой участи брат желал видеть ее с кем-то, кто оценил бы ее искренние убеждения и неординарный характер, а не стал бы из-за них унижать.

– Я едва ли смогу изменить своим принципам, – сказала Джулианна после долгого молчания. – Даже при том, что ты – замечательный брат, самый прекрасный брат, которого только можно себе представить!

– Даже не пытайся мне сейчас льстить! Я не прошу тебя изменить своим принципам. Я лишь прошу, чтобы ты была осмотрительна, вела себя осторожно, не забывая о здравом

смысле. Я прошу тебя воздержаться от участия в радикальных обществах, в то время как мы находимся в состоянии войны.

Моральным долгом Джулианны было повиноваться старшему брату, и все же она не знала, способна ли выполнить то, о чем он только что попросил.

– Ты ставишь меня в ужасное положение, – пробормотала упрямица, сдаваясь.

– Хорошо, – резко бросил Лукас. – Но я не из-за этого гнал галопом своего бедного мерина по всей округе, пытаясь разыскать тебя. У нас в Грейстоуне гость.

Все мысли о встречах радикалов мгновенно вылетели из головы. Даже в обычных обстоятельствах Джулианну встревожили бы новости о неожиданном госте. Они и Лукаса-то не ждали, не говоря уже о каком-то госте. Во всем доме могла отыскаться лишь одна-единственная бутылка вина. В комнате для гостей царила полная разруха. Гостиную покрывал толстый слой пыли. Буфеты семьи были недостаточно полны, чтобы устраивать званый ужин. Но выражение лица Лукаса было сейчас таким зловещим, что Джулианна поняла: ей не стоит беспокоиться об уборке дома или пополнении кладовой провизией.

– Лукас?

– Джек привез его домой несколько часов назад, – угрюмо произнес брат. И, обернувшись спиной к Джулианне, чтобы взять узды лошади, пояснил: – Я не знаю, кто он. Лишь догадываюсь, что он, должно быть, контрабандист. Так или иначе, но ты нужна мне дома. Джек уже уехал за врачом. Мы должны постараться устроить беднягу с комфортом, ведь он – на краю могилы.

Грейстоун маячил впереди. Это был возведенный двести пятьдесят лет назад особняк из светлого камня под высокой крутой крышей. Высившийся над неровными, почти белыми, лишенными всякой растительности утесами, на фоне бесплодных, блеклых болотистых пустошей, этот дом казался обезлюдевшим и заброшенным.

Местечко Сеннен-Коув располагалось ниже. Все небылицы о приключениях в этой местности, неудачах и успехах контрабандистов, таможенников и сотрудников налоговой службы были отчасти вымыслом и отчасти – правдой. Из поколения в поколение семья Грейстоун активно потворствовала лучшим из этих историй. Члены этого семейства демонстративно смотрели сквозь пальцы на то, что бухта была под завязку забита контрабандными партиями виски, табака и чая, которые принадлежали их друзьям и соседям, делая вид, будто ничего не знают о противозаконной деятельности. Иными вечерами таможенник, работавший в Пензансе, мог обедать в Грейстоуне со своими женой и дочерьми, пить лучшее из имевшихся в доме французских вин, делиться последними сплетнями с хозяевами поместья, будто близкий друг. Другими же вечерами маяк ярко сверкал сигнальными огнями, предупреждая орудовавших внизу контрабандистов о приближении представителей власти. Корабль Джека весьма некстати стоял на якоре, и бухта буквально взрывалась от суматохи, когда бочки и другие грузы в спешке прятались в пещеры среди скал. Джек и его люди скрывались из вида, а вооруженные представители британских властей на своих двоих бросались вниз по утесам, стреляя в каждого, кого угодило отстать.

Джулианна наблюдала подобные сцены еще с тех пор, как была маленькой. Никто в округе не считал занятие контрабандой преступлением – это было образом жизни.

Ноги Джулианны мучительно болели. Точно так же, как и ее спина. Джулианна редко ездила верхом, не говоря уже о скачках в дамском седле – в этом муслиновом платье это был единственный доступный ей способ передвижения. Сохранять равновесие, стремительно летя на наемной кляче, оказалось нелегкой задачей. Лукас то и дело бросал в сторону сестры взволнованные взгляды и несколько раз предлагал остановиться, чтобы она могла немного отдохнуть. Но Джулианна отказывалась, опасаясь, что Амелия задержалась у соседей, и этот умирающий незнакомец остался в их доме в полном одиночестве.

Стоило им с Лукасом рысью влететь на посыпанную ракушечником дорогу к Грейстоуну, как Джулианна тут же заметила пару упряжных лошадей, стоявших в каменных стойлах, располагавшихся за особняком. Значит, Амелия уже была дома.

Они торопливо спешили. Лукас взял у сестры узды.

– Я позабочусь о лошадях, – улыбнулся он ей. – У тебя завтра будет ныть все тело.

Они больше не спорили.

– У меня уже сейчас все болит.

Лукас повел за собой двух мерин.

Джулианна, приподняв свои светлые юбки, взлетела по двум ступенькам к входной двери особняка. Дом представлял собой обычный прямоугольник, который можно было назвать скорее вытянутым, чем высоким или широким, с тремя этажами. На верхнем этаже располагались мансарда и когда-то, давным-давно, жилые комнаты для слуг, которых теперь не было. Помещение передней гостиной сохранилось в своем первоначальном виде. Это была большая комната, которую в прежние времена использовали для званых обедов и приемов гостей. Полы были сделаны из темно-серого камня, стены – из более светлой породы того же самого камня. Стены украшали два портрета предков и пара древних мечей; в одном конце зала находился массивный камин и два величественных бордовых кресла. Потолок был обшит деревом.

Джулианна пронеслась через гостиную, мимо маленькой, причудливой комнаты с современной обстановкой, небольшой темной библиотеки, столовой. И устремилась вверх по узкой лестнице.

Амелия как раз спускалась. Она несла мокрые тряпки и кувшин. Увидев друг друга, сестры остановились на ступенях.

– С ним все в порядке? – взволнованно воскликнула Джулианна.

В отличие от высокой Джулианны Амелия была миниатюрной. Ее русые волосы были строго убраны назад, а лицо выглядело привычно серьезным, хотя при виде младшей сестры глаза просияли явным облегчением.

– Слава богу, ты дома! Ты в курсе, что Джек притащил сюда умирающего? – Амелия, казалось, до сих пор не могла поверить в это.

– Это вполне в духе Джека! – возмущенно бросила Джулианна. Разумеется, братца уже и след простыл. – Лукас сказал мне. Он – на улице, занимается лошадьми. Чем я могу помочь?

Амелия резко повернулась и направилась вверх по лестнице, хрупкую фигурку сестры явно сковало нервное напряжение. Она быстро зашагала по коридору, погруженному в темноту. Настенные светильники здесь не горели, вдоль стен тянулись семейные портреты, написанные лет двести назад. Лукас давным-давно занял спальню хозяина дома, у Джека была своя собственная спальня, а Джулианне приходилось делить комнату с Амелией. Это никому не создавало неудобств, ведь комната использовалась исключительно для сна. Но единственная в доме спальня для гостей оставалась по большей части неприкосновенной. Гости редко заглядывали в Грейстоун.

Мрачно глядя на Джулианну, сестра помедлила перед открытой дверью той самой гостевой комнаты.

– Доктор Икинс только что ушел.

Окна комнаты для гостей выходили на скалистые берега бухты и Атлантический океан. Солнце клонилось к закату, заполняя небольшую спальню светом. Скромная обстановка состояла из маленькой кровати, стола, двух кресел, комода и гардероба. Джулианна нерешительно замерла на пороге, устремив взгляд на мужчину, лежавшего на кровати.

Странно, но сердце Джулианны вдруг подпрыгнуло в груди.

На умирающем не было рубашки, небрежно накинутая простыня прикрывала его бедра. Джулианна совсем не собиралась пялиться на незнакомца, но его растянувшаяся на постели фигура оставляла не слишком много простора для воображения – мужчина был очень крупным

и очень смуглым, этакая груда искусно вылепленных мускулов. Джулианна, едва ли привыкшая созерцать мужчин с голым торсом, не говоря уже о ком-то со столь же мощным телосложением, задержала взгляд на его фигуре чуть дольше, чем следовало.

– Еще мгновение назад он лежал на животе. Должно быть, перевернулся, когда я ушла, – резко бросила Амелия. – Ему выстрелили в спину с близкого расстояния. Доктор Икинс сказал, что он потерял много крови. Он страдает от сильной боли.

Теперь Джулианна увидела, что бриджи незнакомца перепачканы кровью и грязью. И невольно задалась вопросом, откуда же появилась эта кровь – из его раны или чьей-то другой. Джулианне совсем не хотелось смотреть на стройные бедра или мощные голени незнакомца, так что она поспешила перевести взгляд на его лицо.

И тут ее сердце гулко стукнуло. Их гость оказался весьма привлекательным мужчиной со смуглой кожей, черными как смоль волосами, высокими скулами и прямым аристократическим носом. Густые темные ресницы отбрасывали тень на его лицо.

Джулианна отвела глаза. Ее сердце неистово колотилось, что было совсем уж нелепо.

Амелия сунула мокрую тряпку и кувшин ей в руку и бросилась к раненому. Джулианна подняла глаза, осознавая, как невольно вспыхнули жаром ее щеки.

– Он дышит? – машинально спросила она.

– Не знаю. – Амелия коснулась лба мужчины. – В довершение всех бед у него еще и заражение, поскольку о ране не позаботились должным образом. Доктор Икинс был не слишком-то оптимистичен.

Сестра обернулась.

– Я собираюсь отправить Билли вниз, за морской водой.

– Ему нужно принести полное ведро, – отозвалась Джулианна. – Я посижу с раненым.

– Когда Лукас придет, отправим его за новой порцией воды, – на ходу бросила Амелия и выбежала из спальни.

Джулианна снова нерешительно замерла, неотрывно глядя на незнакомого красавца, но поспешила ущипнуть себя. Бедняга умирал, он нуждался в ее помощи.

Джулианна поставила кувшин на стол, положила рядом тряпки и подошла к раненому. Потом, стараясь двигаться с большой осторожностью, уселась рядом с ним, чувствуя, как по-прежнему колотится сердце. Грудь мужчины не двигалась. Джулианна наклонилась щекой к его рту и через миг ощутила легкое дуновение его дыхания. Слава богу, он был жив!

В этот момент еле слышно раздалось:

– Pour la victoire...

Джулианна выпрямилась – так резко, словно это в нее кто-то выстрелил. Взгляд заметался по лицу незнакомца. Его глаза оставались закрытыми, но он только что сказал эти слова – по-французски, с произношением истинного француза! Она была уверена, что раненый произнес: «Во имя победы».

Это был обычный клич французских революционеров, но этот человек напоминал дворянина, о благородном происхождении свидетельствовали его аристократические черты. Джулианна бросила взгляд на его кисти – у представителей знати кожа рук была мягкой, как у детей. Суставы пальцев раненого были сбиты и покрыты коркой запекшейся крови, его ладони испещряли мозоли.

Джулианна с досадой прикусила губу. Сейчас, сидя так близко к незнакомцу, она никак не могла избавиться от чувства неловкости. Возможно, виновата в этом была его нагота, ощущаемая столь близко, или его явная мужественность. Джулианна вдохнула немного воздуха в надежде ослабить сковывающую тело напряженность и спросила по-французски:

– Месье? Вы – француз?

Он даже не шелохнулся, и тут раздался голос Лукаса:

– Он пришел в себя?

Наполовину обернувшись, Джулианна заметила брата, вошедшего в комнату.

– Нет. Но он говорил во сне. Говорил по-французски, Лукас.

– Он не спит. Он без сознания. Амелия сказала, что сейчас у него жар.

Поколебавшись, Джулианна осмелилась приложить ладонь ко лбу раненого:

– Он весь горит, Лукас.

– Ты сможешь поухаживать за ним, Джулианна?

Она взглянула на брата, гадая, действительно ли в его тоне просквозило нечто странное.

– Конечно смогу! Мы завернем его во влажные простыни. Ты уверен, что Джек не упоминал, кто этот раненый? Он – француз?

– Джек не знает, кто он, – настаивал Лукас. – Мне хотелось бы остаться дома, но завтра я должен вернуться в Лондон.

– Что-то не так?

– Я изучаю новый контракт на добычу нашей железной руды. Но, если честно, мне не нравится идея оставить тебя и Амелию одних с этим незнакомцем. – И он снова взглянул на их неожиданного гостя.

Джулианна уставилась на брата, и Лукас наконец-то посмотрел на нее в ответ. Когда брат хотел выглядеть безучастным, невозможно было понять, что у него на уме.

– Не думаешь же ты, в самом деле, что он может быть опасен?

– Я не знаю, что и думать.

Кивнув, Джулианна повернулась к объекту своих забот. В голове мелькнула мысль о том, что брат ведет себя неестественно, будто что-то скрывает. Ей внезапно пришло на ум, что Лукас знает, кем является их гость, но почему-то не хочет говорить об этом. Джулианна оглянулась, чтобы посмотреть на уходящего брата, но того уже и след простыл.

Она не могла придумать ни одной мало-мальски достойной причины, по которой Лукас мог бы утаить от нее какую-либо информацию. Если бы брат знал, кем был их гость, он, разумеется, сказал бы об этом. Судя по всему, она просто ошиблась в своих ощущениях.

Джулианна пристально посмотрела на смуглого незнакомца, досадуя на то, что не в силах помочь ему. Потом смахнула с его лица густые темные пряди. Стоило это сделать, как раненый неожиданно дернулся – так резко, что его рука ударила Джулианну по бедру. Она испуганно соскочила с кровати, а мужчина закричал:

– Ou estelle? Qui est responsable? Qu'est il arrivé?

«Где она? Кто это сделал? Что случилось?» – перевела про себя Джулианна. Несчастный снова дернулся, на сей раз даже более яростно, и Джулианна испугалась, что он чем-нибудь навредит себе. Мужчина громко застонал от боли.

Джулианна снова уселась на постель, рядом с его бедром. Погладила его горевшее жаром плечо и сказала по-французски:

– Месье, меня зовут Джулианна. Сейчас вам нужно лежать спокойно.

Теперь раненый тяжело дышал, она видела это, но бедняга уже не метался по постели и, чувствовалось, был настроен менее воинственно. Впрочем, это могло ей лишь показаться. А потом он начал говорить.

На миг Джулианна подумала, что несчастный пытается что-то ей поведать. Но он произносил слова так стремительно и неистово, так отчаянно, что стало понятно: он бредит.

– Пожалуйста, – тихо сказала Джулианна, решив изъясняться исключительно по-французски. – У вас жар. Пожалуйста, попробуйте уснуть.

– Non! Nous ne pouvons pas nous retirer!

Понять его было непросто, но она напрягла слух, чтобы разобрать выпаленные в спешке неразборчивые слова. «Нет! Мы не можем сейчас отступить!» – вот что он сказал. В душе Джулианны не осталось сомнений: их гость был французом. Ни один англичанин не обладал

таким превосходным произношением. Ни один англичанин не стал бы говорить на неродном языке, находясь в горячечном бреду.

Джулианна наклонилась к раненому, пытаясь разобрать его речь. Но мужчина снова дернулся, причем с такой силой, что сумел перекатиться на спину, и при этом не переставал громко бредить. А еще сыпал проклятиями.

– Они не могут уйти. Они не могут отступить!

Интересно, о чем это он, о каком-то сражении? А незнакомец продолжал кричать.

– Так много умерло, но они должны держать оборону! Нет, нет! – надрывался он. – Не отступайте! Держите оборону! Во имя свободы!

Джулианна сжала его горячие плечи, слезы застилали ее глаза. Бедняга определенно снова переживал события ужасной битвы, которую он и его люди проиграли. Боже праведный, а вдруг это офицер французской армии?

– Во имя свободы! – возопил он. – Вперед, вперед!

Джулианна погладила раненого по плечу, пытаясь хоть немного его успокоить.

– Река стала красной от крови... Так много убитых... Священник мертв... Им пришлось отступить... Такой момент упущен!

И он разразился рыданиями.

Джулианна не знала, что делать. Никогда прежде ей не доводилось видеть взрослого мужчину плачущим.

– Месье, вы бредите, – попыталась успокоить она. – Но сейчас вы в безопасности, здесь, со мной.

Раненый лежал, задыхаясь, его щеки были мокрыми от слез, а грудь блестела испариной.

– Мне очень жаль, что вам пришлось пережить все это, – увещевала Джулианна. – Сейчас мы не на поле битвы. Мы находимся в моем доме, в Англии. Здесь вы будете в полной безопасности, даже если вы – якобинец. Я спрячу вас и буду надежно защищать – обещаю вам это!

При этих словах несчастный вдруг затих, успокоился. Джулианне показалось, что он уснул.

Она набрала в легкие побольше воздуха, потрясенная до глубины души. Гость их дома оказался офицером французской армии, в этом Джулианна теперь не сомневалась. Он мог быть даже дворянином – некоторые французские аристократы поддержали революцию, а теперь защищали республику. Он пережил кровопролитную битву, в которой погибло множество его товарищей, и мучительные картины проигранного сражения настойчиво преследовали несчастного. Джулианна страдала вместе с ним. Но как же Джек нашел его? Брат не поддерживал революцию, хотя его нельзя было назвать и истинным британским патриотом. Джек как-то сказал Джулианне, что война оказалась для него необычайно полезной – теперь контрабанда стала еще более выгодной, чем перед революцией.

Прикоснувшись к незнакомцу, Джулианна ощутила исходящий от его тела жар. Она снова погладила его лоб и внезапно рассердилась – куда же запропастилась эта Амелия? Где обещанная океанская вода?

– Вы весь горите, месье, – сказала Джулианна раненому, по-прежнему изъясняясь на его родном языке. – Не стоит разговаривать, вам следует успокоиться и отдохнуть.

Им с сестрой предстояло сбить жар. Джулианна намочила ткань и провела ею по шее и плечам француза. Потом положила на них расправленную тряпку и, взяв другую, принялась лить на нее воду из кувшина.

– Что ж, по крайней мере, теперь вы лежите спокойно, – тихо произнесла Джулианна и только потом поняла, что перешла на английский язык. Она повторила то же самое по-французски, осторожно скользя тканью вдоль его груди. Ее пульс участился.

Она снова положила влажную ткань на грудь раненого, собираясь оставить тряпку там, когда он вдруг схватил ее за запястье и с силой сжал. Джулианна вскрикнула, потрясенная, и ее взгляд скользнул по его лицу.

Зеленые глаза незнакомца вспыхнули яростью.

Джулианна задохнулась от страха:

– Êtes vous reveillé? – что означало: «Вы пришли в себя?»

Раненый не выпустил ее руку, но его хватка ослабла. Смягчился и его взгляд.

– Надин? – хрипло прошептал он.

Кто такая эта Надин? Разумеется, Джулианна сразу поняла: эта женщина была его возлюбленной или женой – сказать точнее было трудно. Джулианна судорожно облизала губы.

– Месье, вы были ранены в сражении. Я – Джулианна. Я здесь, чтобы помочь вам.

Его взгляд казался лихорадочным, мутным. Явно не понимая, где и с кем находится, незнакомец вдруг потянулся к плечу Джулианны, все еще сжимая ее запястье.

Он вздрогнул, тяжело дыша, но его взгляд не поколебался. В глубине его глаз замерцал странный свет, и она невольно затаила дыхание.

Мужчина медленно расплылся в улыбке:

– Надин...

И его сильная, крепкая рука скользнула по ее плечу к шее. Прежде чем Джулианна смогла запротестовать или спросить незнакомца, что он делает, тот увлек ее вниз, приближая ее лицо к своему.

Ошеломленная, Джулианна вдруг осознала, что он собирается поцеловать ее!

Улыбка красавца француза была бесконечно обольстительной, самоуверенной и многообещающей. А потом его губы прильнули к ее устам.

Джулианна едва не задохнулась, но даже не попыталась отпрянуть от раненого. Вместо этого она замерла, позволяя ему возмутительную вольность, чувствуя, как бьется сердце и напрягается тело. Страстное желание охватило ее, неудержимо нарастая.

Это было желание, которого она никогда прежде не чувствовала.

А потом Джулианна поняла, что он перестал ее целовать. Она тяжело дышала рядом с его неподвижным ртом. Остро, каждой клеточкой, ощущала огонь, бушевавший в ее собственном теле. Ей потребовалось какое-то время, чтобы понять: незнакомец снова потерял сознание.

Не в силах оправиться от потрясения, Джулианна выпрямилась на кровати. Мысли путались, лихорадочно металась в голове. Он поцеловал ее! Но он охвачен жаром, он бредил. Он не понимал, что делает!

Неужели это все равно имело какое-то значение?..

Этот мужчина поцеловал ее, и она ответила на поцелуй – от неожиданности, ведь и подумать не могла, что нечто подобное возможно.

А еще он был офицером французской армии – героем революции.

Джулианна взглянула на своего подопечного.

– Кто бы вы ни были, вы не умрете – я не допущу этого, – твердо пообещала она.

Несчастный лежал недвижимо, так что вполне мог быть уже мертвым.

Глава 2

Десятки людей сбились в толпу, кричавшую в ярости, потрясавшую кулаками в воздухе, и он знал, что должен бежать... Как только он сорвался с места, булыжники под его ногами изменили цвет, став красными. Сначала он даже не понял, в чем дело, а потом вдруг осознал, что бежит в реке крови!

Он вскрикнул, заметив, что величественные парижские здания исчезли. Теперь кровавый поток был полон кричавших, умирающих людей. Паника и страх охватили его.

И он понял, что должен немедленно проснуться.

Под руками он вдруг почувствовал хлопок – не грязный, не запачканный кровью. Пытаясь справиться с захлестывавшей рекой крови, он увидел Надин: она улыбалась ему, ее глаза сияли, а позади нее светила луна, полная и яркая. И он поцеловал Надин – это оказалось восхитительным, хотя и неправильным, ведь на самом деле Надин была мертва...

Надин была мертва, а он лежал в какой-то кровати. Куда же он попал?

Изнуренный до крайней степени, Доминик понял, что спал. Воспоминания по-прежнему беспорядочно путались, ужас и страх наполняли его, но он боролся с все возрастающей паникой. Сейчас ему следовало во что бы то ни стало мыслить ясно. Это был вопрос жизни и смерти.

Теперь ему было небезопасно оставаться во Франции.

Кто-то узнал, кем он был на самом деле.

И Доминик вспомнил, как попал в засаду у дома Мишеля. Его тело мучительно напряглось от страха и тревоги, борясь с этими изнурявшими его эмоциями. И тогда все воспоминания о прошедших полутора годах стремительно нахлынули на него. Помнится, он отправился во Францию, чтобы найти своих мать и невесту и доставить их домой, в Англию. Ему так и не удалось обнаружить Надин, но он отыскал мать, она пряталась в какой-то лачуге над пекарней в Париже, поскольку ее городской дом был разрушен. Удостоверившись, что мать благополучно взошла на борт направлявшегося в Великобританию судна в Гавре, Доминик вернулся в Париж в надежде найти Надин.

Он и представить себе не мог, что останется во Франции, чтобы добывать ценную информацию для своей страны. Хотя его мать, Катрин Фортескью, была француженкой, отец носил титул графа Бедфордского и слыл англичанином до мозга гостей. Доминик Педжет появился на свет в родовом имении в Бедфорде. Единственный ребенок в семье, он получил образование в Итоне и Оксфорде. После кончины Уильяма Педжета он унаследовал и титул, и земельные графские владения. Несмотря на то что несколько раз в год Доминик занимал свое законное место в палате лордов – он чувствовал свой долг по отношению к стране в целом, а еще считал, что должен заботиться об интересах Бедфорда, – политика никогда его не интересовала. Собственно, несколько лет назад он даже отказался от предложения занять пост в кабинете министров Питта. Его обязанности были четко определены – и связаны с графством.

Доминику так и не удалось выяснить, что же произошло с Надин. Последний раз ее видели во время беспорядков, в ходе которых был разрушен дом его матери. Катрин боялась, что толпа затоптала Надин до смерти. Доминик был так обеспокоен революцией во Франции, что по возвращении в Великобританию встретился с некоторыми своими знакомыми, включая Эдмунда Берка, человека с большими связями в политических кругах. Информация, которую по крупицам собрал Доминик во время нахождения во Франции, настолько всех встревожила, что Берк представил его премьер-министру Питту. Но вернуться во Францию его убедил Себастьян Уорлок, причем на сей раз перед Домиником стояла одна-единственная задача – шпионаж.

Теперь невозможно было определить, кто именно узнал правду о Жан-Жаке Карре – личности, под которой скрывался Доминик. Это мог быть любой из безобидных с виду парижан

или даже «крот» – вражеский агент, внедрившийся в войска под командованием Мишеля. Так или иначе, но кто-то выяснил, что Карре не был хозяином магазина гравюр и якобинцем. Кто-то прониухал, что на самом деле он был англичанином и тайным агентом.

Теперь Доминика с новой силой охватил неистовый приступ паники. Он был пугающе слаб – и потому уязвим. Боль пронзала спину при каждом вздохе.

Доминик был с друзьями – или в стане противников?

Он все еще находился во Франции?

Испуганный, в высшей степени встревоженный, Доминик осознал, что не был связан или как-либо еще ограничен в движениях. Он с чрезвычайной осторожностью приоткрыл глаза – ровно настолько, чтобы иметь возможность украдкой бросить взгляд сквозь ресницы.

Доминик постарался, чтобы характер его дыхания не изменился. Ни единый его мускул не дрогнул, лишь веки затрепетали. Он почувствовал, что находится здесь не один. Сейчас несчастному хотелось, чтобы любой, кто бы с ним ни был – кто бы ни сторожил его, – думал, что он спит.

В поле зрения Доминика оказались неясные контуры маленькой спальни. Он увидел гардероб, окно. Мгновение спустя он ощутил какой-то резкий привкус в воздухе и осознал, что это соль.

Выходит, он оказался вблизи побережья, но какого?

Доминик отчаянно боролся с собой, пытаясь по мере сил восстановить каждую частичку памяти. Неужели ему приснился весь этот дальний путь в задней части повозки, проделанный главным образом ночью? Неужели это во сне ему привиделись покачивание судна, скрип мачт, шелест парусов, как и то, что он бился в силках терзавшей его нестерпимой боли? Что же произошло после того, как в него стреляли? Туманные очертания пытались принять ясную форму, и внезапно Доминик вспомнил женщину с золотисто-каштановыми волосами, которая то и дело кружилась над ним, омывая его, заботясь о нем.

А потом эта женщина вдруг четко предстала перед Домиником, склонившись над ним. Он мельком увидел те самые золотисто-каштановые волосы, ее светлый облик, платье цвета слоновой кости.

Она тихо произнесла по-французски:

– Месье?

Доминик узнал звук ее голоса. Да, именно эта женщина ухаживала за ним, это был не сон.

Он никак не мог понять, кто же она – друг и союзница? Сможет ли он защититься в случае необходимости? Бежать? Он был так измучен, так слаб! Кто же эта незнакомка, почему она заботилась о нем весь тяжкий период его страданий? Может быть, она была подругой Мишеля? Как же Доминик стал ее подопечным? После долгих раздумий он решил наконец дожждаться, пока женщина выйдет из комнаты – рано или поздно она оставит его одного, тогда и можно будет оценить, в насколько затруднительное положение он попал. Итак, первым вопросом на повестке дня стояло тщательное обследование комнаты, а потом и всего дома. Доминик должен был определить свое местонахождение. Ну а кроме того, ему требовалось оружие, чтобы защититься.

Впрочем, эта женщина могла быть здесь не одна. Ей наверняка помогали друзья, соратники. Когда она уйдет, кого-то другого могут прислать сторожить раненого, и этим кем-то вполне может оказаться крепкий мужчина.

Доминик полностью открыл глаза и встретился с встревоженным взглядом серых глаз женщины.

Она сидела в кресле, приставленном к изголовью кровати, на ее коленях лежал планшет для письма, в руке угадывалось перо. Вздвогнув, женщина прошептала по-французски:

– Месье, вы очнулись?

Доминик не собирался отвечать ей – пока. Вместо этого он быстро окинул взглядом окружающее пространство. И увидел, что лежит на узкой кровати в совершенно незнакомой ему комнате. Спальня была скромной, просто обставленной, и было трудно определить, находится он в доме буржуа или аристократа. Если речь шла о последнем, то хозяин, очевидно, разорился и дошел до крайней нужды.

Единственное окно пропускало дневной свет: день только начинался. Солнце источало тусклое, слабое сияние, нисколько не напоминавшее яркий летний солнечный свет в долине Луары.

Как же Доминик очутился в этой спальне? Действительно ли его переправляли на повозке, а потом – кораблем, или это был лишь сон? Черт возьми, он не мог вспомнить ничего из того, что произошло после выстрела в переулке Нанта! Единственное, в чем Доминик был сейчас уверен, – так это в том, что он находится на побережье – но каком? Его могло занести в Гавр или Брест – так он думал, хотя и с большим сомнением. С тем же успехом он мог оказаться в Дувре или Плимуте. Но даже если Доминик попал в Англию, ему следовало хранить тайну своей личности. Никто и никогда не должен догадаться, что он был британским агентом.

Но эта женщина говорила с ним по-французски.

И она заговорила снова. Доминик буквально застыл на месте, сосредоточиваясь на женщине, пока она повторила то, что уже произносила ранее.

– Сэр, вы очнулись?

Ее лицо горело румянцем, в глазах застыл вопрос. Несмотря на то что она бегло говорила по-французски, в ее речи ощущался легкий акцент. Доминик уже не сомневался в том, что рядом оказалась англичанка. И это должно было принести облегчение – если не считать того, что она говорила на французском, а это Доминику решительно не нравилось. А вдруг в ее жилах текла часть французской крови, как и у него самого? Или эта женщина по какой-то причине сочла его французом? Возможно, знала Доминика, когда он работал под прикрытием? Интересно, известна ли ей правда – или хотя бы какая-то часть истинных сведений о нем? Каковы ее политические симпатии? Если бы только он мог вспомнить чуть больше!

И почему, черт побери, он оказался совершенно голым под тонкими простынями?

Женщина внезапно поднялась с места. Доминик настороженно следил за тем, как она прошла через комнату, отметив, что ее фигура была весьма привлекательной, хотя это сейчас не слишком его заботило. Эта незнакомка могла быть союзницей, но точно так же могла оказаться и врагом. А Доминик сделал бы все, что необходимо, ради выживания. Даже мог бы обольстить ее – такой вариант не стоило исключать.

Теперь он наблюдал за тем, как женщина положила планшет и пергаментную бумагу на стол, опустив перо в чернильницу. Потом взяла кусок ткани и погрузила его в миску с водой. Доминик между тем еще сильнее сосредоточился. Туманные картины перед глазами сфокусировались, став более четкими, и перед раненым предстало изображение этой женщины, склонившейся над ним и обтиравшей его тело влажной тканью... Он видел ее лицо, оказавшееся так близко к его лицу, когда он собирался ее поцеловать...

Да, он поцеловал ее. Доминик был абсолютно уверен в этом.

Его интерес стал острее. Что же произошло между ними? В любом случае это, безусловно, было ему только на руку.

Женщина вернулась, ее лицо было бледным, лишь чуть розовели щеки. Она уселась, выжимая тряпку, и Доминик снова взялся пристально наблюдать за ней, гадая, что же она сделает дальше. Близкое присутствие незнакомки невольно взбудоражило его тело.

Во Франции, каждый день проживая на грани смерти, Доминик утратил все моральные нормы, на которых был воспитан. В его постели перебивало великое множество французов: некоторые – красивые, некоторые – нет, и по пальцам можно было перечесть тех, чьи имена он знал, не говоря уже о тех, кого он помнил. В конце концов, жизнь коротка – очень коротка.

Он даже пришел к выводу, что благонравное поведение становилось совершенно бесполезным во время войны и революции.

Мысленные образы, заставившие Доминика пробудиться, ни на мгновение не покидали его, маяча на задворках сознания, настойчиво его преследуя. Та разгневанная, яростная толпа, залитая кровью улица, а потом и кровавая река в Сомюре. Семья, принявшая смерть от гильотины на его глазах, священник, умерший на его руках... Нравственность Доминика умерла давным-давно, возможно вместе с Надин. Секс был развлечением, спасением, потому что смерть казалась единственным элементом уверенности в его жизни.

Уже завтра кто-то из политических противников мог убить его.

Уже завтра разгневанная толпа могла вытащить Доминика из этого дома и забить его камнями до смерти, либо с тем же успехом его, закованного в цепи, могли вести мимо одобрительно кричащего скопища людей к гильотине.

Женщина слегка улыбнулась и положила прохладную ткань на лоб Доминика. Он вздрогнул, удивив как ее, так и самого себя. А потом схватил ее за запястье:

– Qui êtes vous?

«Кто вы?» – машинально перевел ее вопрос Доминик.

Женщина говорила с ним по-французски, поэтому он решил отвечать ей на том же языке. До тех пор, пока он не узнает, где находится сам и кем является эта незнакомка – а заодно и поймет, насколько безопасно раскрывать свою личность, – он будет просто следовать ее примеру.

У женщины перехватило дыхание от неожиданности и волнения.

– Месье, вы пришли в себя! Я так рада!

Доминик не выпустил ее запястье. Вместо этого он притянул ее ближе к себе, вниз, ощущая, как сердце отчаянно колотится от страха. Он ненавидел этот информационный вакуум; он должен был узнать, кто эта женщина и где он очутился.

– Кто вы? Где я?

Женщина, казалось, замерла, теперь их лица разделяли считанные дюймы.

– Я – Джулианна Грейстоун, месье. Я заботилась о вас. Вы находитесь в моем фамильном доме, и здесь вы – в полной безопасности.

Доминик внимательно смотрел на нее, не позволяя себе расслабиться. Тот факт, что женщина упомянула о безопасности, означал: она что-то знает о его деятельности. Иначе с чего ей предполагать, что ему может грозить нечто страшное? И от кого, по ее мнению, он может ожидать этой угрозы? От якобинцев? Или от кого-то конкретного – вроде того наемного убийцы из Нанта?

А вдруг она считает, что опасность исходит от его собственных союзников? Может быть, она считает его французом, который может пострадать от рук англичан?

Где находится ее фамильный дом: в Англии – или во Франции? И почему она по-прежнему говорит с ним на французском языке?

Женщина судорожно облизнула губы и хрипло прошептала:

– Вы чувствуете себя лучше? Жар спал, но вы остаетесь таким бледным, месье.

Доминик боролся с внезапно накрывшей его волной головокружения. Боже, каким же слабым он был! Несчастный наконец-то выпустил запястье женщины. Но нисколько не раскался в том, что напугал ее. Он хотел заставить ее нервничать, суетиться – так ею можно было с легкостью манипулировать.

– Я ощущаю боль, мадемуазель. Спина ноет, но – да, мне лучше.

– Вам выстрелили в спину, месье. Рана оказалась довольно серьезной, – тихо отозвалась она. – Вам было очень плохо. Мы боялись за вашу жизнь.

– «Мы»?

– Моя сестра, мои братья и я.

«Значит, в доме есть мужчины», – пронеслось в голове Доминика.

– И вы все заботились обо мне?

– Братьев сейчас нет дома. Главным образом за вами ухаживала я, месье, хотя и моя сестра, Амелия, помогала, когда не была занята заботами о маме.

Ее щеки зарделись еще сильнее.

Выходит, он один в компании трех женщин.

Доминик испытал облегчение, но лишь незначительное. Разумеется, он должен использовать эту ситуацию в своих интересах. Даже в таком, донельзя ослабленном состоянии он обязательно найдет какое-нибудь оружие, и три женщины не смогут противостоять ему – они не должны стоять у него на пути, ведь речь идет о его выживании.

– В таком случае, мадемуазель, я, по-видимому, целиком и полностью у вас в долгу.

Поразительно, но она в который раз покраснела и вскочила.

– Пустяки, месье.

Доминик изучающе посмотрел на нее. «А она весьма восприимчива к обольщению», – подумал он. И мягко спросил:

– Вы боитесь меня, мадемуазель?

Она выглядела всерьез взволнованной, но поспешила заверить:

– Нет! Конечно нет!

– Хорошо. В конце концов, бояться совершенно нечего.

Доминик медленно расплылся в улыбке. Недавно они целовались. А перед этим она наверняка раздевала его. Возможно, именно поэтому так нервничала?

Женщина прикусила губу.

– Вы так страдали, прошли через такие мучения! Теперь я ощущаю колоссальное облегчение оттого, что с вами все в порядке.

Интересно, много ли она знает о нем?

– Да, так и есть, мне уже намного лучше.

Доминик хранил спокойствие. Блеснула надежда, что она продолжит говорить и поведет, как же он оказался в этом доме, что произошло с ним после выстрела в Нанте.

Но она замолчала, и пристальный взгляд ее серых глаз не дрогнул ни на мгновение.

Доминик понял, что она вряд ли просветит его; в такой ситуации оставалось лишь попытаться ее разговорить.

– Мне очень жаль, что я расстроил вас. Слуги, несомненно, помогают, выполняя ваши поручения?

Она помедлила немного перед тем, как ответить:

– У нас нет слуг, месье. Только мальчик, конюх, но он приезжает к нам каждый день всего на несколько часов.

Услышанное принесло Доминику еще большее облегчение, но он по-прежнему был настороже.

– Почему вы так странно на меня смотрите? – хрипло вырвалось у женщины.

Доминик бросил взгляд на кисти ее рук, которые она так сильно сжимала на фоне своих белых муслиновых юбок. На пальцах не красовалось ни обручального кольца, ни кольца с бриллиантом – у нее не было вообще никаких украшений.

– Вы спасли мне жизнь, мадемуазель, так что теперь мне любопытно узнать о вас.

Ее изящные руки взлетели вверх. Она скрестила их на груди, будто защищаясь – или просто нервничая.

– Вы были в беде. Как же я могла не помочь? – заметила спасительница и, помолчав, добавила: – Вы не назвали мне свое имя.

Ложь сорвалась с его уст так же естественно, как дыхание.

– Шарль Морис. Я навечно у вас в долгу.

Женщина наконец-то улыбнулась ему.

– Вы равным счетом ничего мне не должны, – твердо произнесла она и замялась. – Вы, должно быть, голодны. Я скоро вернусь.

Как только звук ее шагов постепенно смолк в коридоре, Доминик резко уселся на кровати и, отбросив укрывавшие его простыни, попытался встать. Боль тут же пронзила спину и грудь. Он застыл на месте, не в силах сдержать мучительный стон.

И комната закружилась перед глазами.

Черт побери!

Несмотря на мучения, Доминик не собирался снова ложиться. Ему потребовалось бесконечно много времени, чтобы попытаться побороть боль и справиться с головокружением. Оказывается, он был в намного худшем состоянии, чем предполагал. Собрав последние силы, медленно и осторожно он поднялся на ноги.

Вконец измученный, Доминик прислонился к стене. Понадобилось какое-то время, прежде чем комната перестала кружиться. Но вот перед глазами все успокоилось, и он, пошатываясь, направился к гардеробу. Внутри было пусто, и это встревожило Доминика. Где же его одежда?

Он снова выругался. А потом, по-прежнему еле волоча ноги, побрел к окну, но не смог удержать равновесие и опрокинул попавшееся на пути кресло. С трудом добравшись до окна, он вцепился в подоконник и стал пристально вглядываться в пространство между голыми, лишенными растительности утесами, в суровую даль, где плескался океан.

Доминик несколько не сомневался, что смотрит на Атлантический океан. Он узнал серо-стальной цвет часто штормящих вод. А потом перевел взгляд на бледные утесы, пустынный, скудный пейзаж. Вдали виднелся силуэт одинокой башни. «Значит, это не Брест», – заключил Доминик. Окрестности очень напоминали ландшафт Корнуолла.

Эта местность славилась своими якобинскими симпатиями. Доминик отвернулся от окна, прислонившись к подоконнику, чтобы удержать равновесие. Перед ним оказался маленький стол с планшетом для письма, чернильницей и листом пергаментной бумаги. Доминик сделал два шага по направлению к столу, тяжело захрипел и схватился за его край, чтобы удержаться на ногах и не рухнуть на пол.

Брань в который раз сорвалась с уст Доминика. Он явно был не в состоянии убежать от кого бы то ни было, если возникла бы такая необходимость, – по крайней мере, в течение ближайших нескольких дней. Впрочем, если на то пошло, он был не в состоянии даже соблазнить свою спасительницу.

Его взгляд упал на пергамент. Она написала письмо по-французски.

Ужас охватил Доминика. Схватив бумагу, он жадно впился глазами в первую строчку.

«Мои дорогие друзья, я пишу, чтобы отпраздновать с вами недавние победы в Национальном конвенте, а в особенности – триумф принятия новой конституции, предоставляющей право голоса каждому человеку».

Так вот оно что, она относилась к проклятым якобинцам!

Она была врагом.

И Доминику снова стало нехорошо, слова тут же показались серыми на фоне светлой страницы. Тем не менее ему удалось прочитать следующие строчки.

«Наше Общество надеется, что впереди вас ждут новые победы над оппозицией. Мы хотели бы спросить у вас, каким образом можем и впредь помогать нашему общему делу установления принципов равенства и свободы во Франции, а заодно и по всей Европе».

Теперь слова быстро расплывались перед глазами, становились темнее, и Доминик уже не мог их разобрать. Он слепо уставился на лист пергамента. Выходит, она была якобинкой.

«Неужели она играет со мной в кошки-мышки?» – задался вопросом Доминик. Во Франции все вокруг шпионили за своими соседями, выискивая бунтарей и предателей. А вдруг такие же нравы царили в Великобритании? Что, если она, верная якобинцам, охотилась на мужчин, подобных ему? Пыталась распознать британских агентов, чтобы потом обречь их на верную гибель?

Или эта незнакомка просто-напросто сочла его французом? Что ж, теперь Доминику предстояло убедиться в том, что она не знает правды, даже не догадывается, что незваный гость ее дома – англичанин. Интересно, а как много она вообще знает? Известно ли ей, что раненый только что прибыл из Франции? Черт возьми, как же Доминику сейчас требовалось хоть немного информации!

Он покрылся испариной и стал задыхаться. Его охватило беспокойство – настолько сильное, что справиться с ним в нынешнем, измученном состоянии просто не представлялось возможным. Слишком поздно Доминик осознал, что пол под ногами был неровным, волнообразным. Бормоча под нос ругательства, он выронил из руки страницу.

Темные тени обступили его.

Стало тяжело дышать. Комната вместе со всей своей обстановкой снова медленно закружилась перед глазами.

Нет, он не мог упасть в обморок прямо сейчас!

Не сумев преодолеть слабость, Доминик медленно опустился на пол. Растянувшись там, из последних сил пытаясь оставаться в сознании, он услышал шаги, стремительно приближавшиеся к нему. Ужас пронзил его.

– Месье!

Он старался сохранять настороженную сосредоточенность, прикладывая такие усилия, что пот уже покрывал все его тело. Кулаки Доминика сжались, и он набрал в легкие воздуха, открывая глаза.

Первым, что он увидел, был пристальный взгляд серых глаз хозяйки дома, устремленный на него. Она стояла перед ним на коленях. На ее лице застыло что-то вроде беспокойства.

И вдруг, как по волшебству, комната перестала кружиться.

Доминик внимательнее взглянул на якобинку – она по-прежнему смотрела на него с явной тревогой.

Напряжение сковало Доминика, распластавшегося на полу. Женщина высилась над ним, а он был слишком слаб, чтобы защищаться, и прекрасно понимал это. Да она и сама должна была это знать.

Но ожидаемого оружия в ее руке не появилось. Вместо этого она коснулась голых плеч Доминика:

– Месье! Вы упали в обморок?

Ее голос звучал хрипло. И вскоре Доминик понял почему.

Он был обнажен, она – полностью одета.

– Я упал, мадемуазель, – спокойно, без запинки, солгал Доминик. Он ни за что не дал бы ей понять, насколько слабым оказался на самом деле. Нет, она должна была поверить, что этот раненый в состоянии защитить себя – и даже дать агрессивный отпор. Он с трудом поднял руку и коснулся ее щеки. – Вы остаетесь моей спасительницей.

На какое-то мгновение их взгляды встретились. А потом обладательница прекрасных серых глаз резко вскочила, отворачиваясь, чтобы ненароком не увидеть обнаженное мужское тело. Ее лицо стало пунцовым.

Доминик не сомневался в том, что она никогда еще не видела голого мужчину. Эта неопытность могла бы сыграть ему на руку – так якобинкой легче было управлять.

– Прошу меня простить, – сказал Доминик, усаживаясь на полу и молясь, чтобы снова не рухнуть без сил. – Я не могу найти свою одежду.

– Ваша одежда, – небрежно бросила женщина, – отправилась в стирку.

Доминик отметил, что она по-прежнему старательно отводит взгляд, и поднялся на ноги. Сейчас бедняге хотелось только рухнуть на матрас, но вместо этого он стянул с кровати простыню и обернул ее вокруг талии.

– Это вы раздели меня? – спросил Доминик, взглянув на свою спасительницу.

– Нет. – Она явно удерживалась от того, чтобы не посмотреть на него. – Это сделал мой брат – нам нужно было омыть вас океанской водой, чтобы сбить жар.

Доминик сел на кровать. Боль, казалось, разрывала все внутри, но он старался не замечать этого. Он еще давным-давно овладел навыком сохранять сдержанное, бесстрастное выражение лица в любой ситуации.

– Тогда я должен снова поблагодарить вас.

– Вы прибыли к нам, одетый лишь в бриджи и сапоги, месье. Бриджи еще не высохли. С тех пор как вы оказались у нас, шел дождь. Но я принесу вам бриджи своего брата Лукаса.

Теперь Доминик принялся настойчиво искать ее взгляд, пока она наконец-то не посмотрела ему в глаза. И в который раз смутилась, случайно бросив взор на его обнаженное тело. Если Доминику повезет, эта якобинка не заметит, насколько он слаб и измучен. Он улыбнулся:

– Я был бы признателен вам и за рубашку.

Женщина посмотрела на Доминика так, словно он говорил на неизвестном ей иностранном языке. Она явно не нашла ничего веселого в его замечании.

Он тут же посерьезнел:

– Мне очень жаль, если я невольно задел или как-то оскорбил вас, мадемуазель.

– Что это вы тут пытались делать, месье? Почему решили подняться без моей помощи?

Доминик собрался было ответить, но тут на глаза ему попалось письмо, которое лежало на полу позади нее, там, где он его уронил. Он хотел осторожно отвести взгляд, но женщина уже обернулась на то, что так привлекло его внимание.

Доминик тихо объяснил:

– Падая, я свалил кресло, а заодно и налетел на стол. Прошу прощения. Надеюсь, я не сломал кресло.

Якобинка поспешила поднять письмо и положить его под чернильницу, а потом так же быстро подняла и поправила кресло.

– Я подумывал открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом, – добавил Доминик.

Не оборачиваясь, она бросилась к окну, открыла его затворы и толкнула раму наружу. Прохладный воздух с Атлантики ворвался в комнату.

Доминик не отрываясь смотрел на женщину, внимательно изучая ее.

Внезапно она повернулась, перехватив его пристальный взгляд. И в этот момент Доминик понял: он не ошибся, уловив неловкость, так и нараставшую между ними.

Наконец его спасительница слабо улыбнулась в ответ:

– Простите. Вы, должно быть, сочли меня очень глупой. Я... не ожидала, что по возвращении в спальню обнаружу вас на полу.

Эта якобинка была хорошей лгуньей, но не могла превзойти его в искусстве врать.

– Нет, – отозвался Доминик. – Я думаю, что вы – очень красивая.

Она так и застыла на месте.

Доминик опустил глаза. В комнате повисла тишина. И он вдруг осознал: для того чтобы быть в полной безопасности, ему достаточно лишь завести любовную интрижку с этой скромницей.

Если, разумеется, она на самом деле не была шпионкой, как опасался Доминик, и ее наивность не была притворной. В этом случае она могла оказаться той, кто одержит верх в запутанной, хитрой игре.

* * *

– Джулианна? Чем ты так обеспокоена? – спросила Амелия.

Они стояли на пороге гостевой спальни, глядя в комнату. За окном царила звездная ночь, и Джулианна зажгла камин, осветив спальню. Новый знакомый, Шарль, по-прежнему спал, и его поднос с ужином стоял на столе нетронутым.

Джулианна никак не могла отделаться от страха, пронзившего ее, когда она нашла раненого лежавшим на полу; на какое-то мгновение она испугалась, что несчастный умер! Но он не был мертвым, он просто упал. Когда Шарль медленно поднялся на ноги – совершенно, восхитительно, шокирующе голый, – Джулианна притворилась, что не смотрит на него, но на деле так и не смогла заставить себя отвести взгляд.

– Прошло уже больше двадцати четырех часов с тех пор, как он последний раз проснулся, – ответила она сестре.

– Он поправляется после ужасной раны, – приглушенным тоном напомнила Амелия. – Ты начинаешь напоминать мне беспокойную наседку.

Джулианна вздрогнула. Амелия была права: она действительно слишком сильно беспокоилась – просто хотела, чтобы бедняга очнулся. В этом Джулианна убеждала себя сама. Но что на самом деле было причиной этого волнения?

– Вздор. Я беспокоюсь не больше, чем любой на моем месте.

Амелия пронзила сестру взглядом, уперев руки в свои маленькие бедра:

– Джулианна, я, может быть, и не разговаривала с ним, как ты, но я – не слепая. Даже сейчас, когда он спит, очевидно, что это очень красивый мужчина.

Джулианна из последних сил старалась казаться безразличной.

– В самом деле? А я и не заметила.

Амелия рассмеялась, что случилось с ней довольно редко:

– О, пожалуйста, перестань! Я заметила: когда ты находишься с ним, не можешь отвести от него взгляд. Хорошо, что он все время спит, иначе обязательно увидел бы, как ты с вождением смотришь на него! Но меня эта ситуация радует. Я уже было подумала, что ты совершенно холодна к мужчинам.

Амелия наверняка не веселилась бы так, узнай она то, что удалось выяснить Джулианне об их госте. Джулианна собиралась посвятить в это сестру в самое ближайшее время, когда вся семья соберется под одной маленькой крышей. Амелию нисколько не интересовала политика. И все-таки она была патриоткой, а еще самым разумным человеком, которого знала Джулианна. Сестра пришла бы в ужас, если поняла бы, что они приютили врага родины.

– Ну надо же, кто бы говорил! – поспешила воскликнуть Джулианна, меняя тему разговора.

– Я не всегда была равнодушна к привлекательным мужчинам, Джулианна, – тихо отозвалась Амелия.

И Джулианна тут же пожалела о том, что разговор пошел в этом русле. Ей было всего двенадцать лет, когда Амелия влюбилась в младшего сына графа Сент-Джаста, но воспоминания о его коротких, пылких ухаживаниях до сих пор жили в памяти. Джулианна не забыла, как стояла у окна, глядя вниз на парочку влюбленных, быстро удалявшихся верхом от дома, – Саймона Гренвилла, пустившегося вдогонку за ее сестрой. Он был таким удалым, таким смелым, что казался самым настоящим отважным принцем, и Джулианна считала, что сестре необычайно повезло. А еще она хорошо помнила, какое потрясение испытала Амелия, когда до них донеслась новость о смерти брата ее возлюбленного. Саймона вызвали в Лондон, и Джулианна думала тогда, что сестре не стоит плакать, ведь Гренвилл любит ее и обязательно

вернется. Но Джулианна была наивна и глупа. Он так и не вернулся. Долгие недели Амелия засыпала в слезах, ее сердце было разбито.

Судя по всему, Саймон быстро забыл Амелию. Джулианна знала, что он так и не написал, не прислал ни единого послания, а два года спустя женился на дочери виконта. За последние девять лет Саймон так ни разу и не побывал в своей графской усадьбе, расположенной немного к северу от Сент-Джаста.

Джулианна знала, что Амелия так и не смогла забыть его. Спустя год после отъезда Саймона она отвергла два очень выгодных предложения руки и сердца – от молодого состоятельного адвоката и статного офицера британского флота. С тех пор предложений больше не было...

– Мне двадцать пять, и я – отнюдь не красotka, – сухо произнесла Амелия. – Приданое у меня скудное, к тому же я обязана заботиться о маме. Если сейчас я равнодушна к мужчинам, то только потому, что иного выбора у меня нет.

– Ты очень привлекательна, но, кажется, готова поставить на себе крест! – Джулианна запнулась, не решаясь продолжить, но все-таки добавила: – Возможно, однажды ты встретишь того, кто заставит твое сердце яростно биться.

И покраснела, подумав о Шарле Морисе.

– Надеюсь, что нет!

Джулианна поняла, что стоит сменить эту болезную тему.

– Очень хорошо. Я – не слепая, так что – да, признаю, что месье Морис довольно красив. И был столь же мил, когда очнулся. Он просто очарователен.

И в самом деле, Шарль Морис оказался весьма красноречив, что указывало на хорошее воспитание и, возможно, благородное происхождение. А еще он был опасно обворожителен.

– Ах, если твои слова – правда, у меня уже нет сомнений, что он успел завоевать твое ветреное сердце!

Джулианна знала, что сестра поддразнивает ее, но не могла заставить себя улыбнуться в ответ. Она думала об их госте и днем и ночью, причем еще задолго до того, как он очнулся. Джулианне оставалось только надеяться, что она не увлеклась этим незнакомым французом, как уже начинало казаться. Возможно, настал подходящий момент для того, чтобы раскрыть сестре глаза на его личность.

– Джулианна? – окликнула Амелия подозрительно притихшую сестру.

Джулианна потянула ее в сторону от входа в комнату:

– Мне нужно кое-что тебе сообщить.

Амелия изумленно уставилась на нее:

– Судя по всему, мне это не понравится.

– Думаю, так и будет. Ты считаешь месье Мориса французом, потому что так сказала тебе я, Амелия... но он – не эмигрант.

Амелия с подозрением сощурилась:

– О чем ты говоришь? Несомненно, он – контрабандист, как Джек.

Джулианна в волнении облизнула губы и выпалила:

– Он – офицер французской армии, Амелия. Он пережил ужасную битву и потерю множества своих людей!

Амелия изумленно открыла рот.

– И что заставило тебя прийти к такому выводу? Он сказал тебе это, когда пришел в себя?

– Он бредил... – начала объяснять Джулианна.

Но Амелия уже повернулась, чтобы в спешке удалиться. Джулианна едва успела схватить ее за руку.

– Я должна уведомить власти! – воскликнула сестра.

– Нет, ты не можешь так поступить! – Джулианна бросилась вперед, преграждая ей путь. – Он серьезно ранен, Амелия, и он – настоящий герой!

– Только ты могла подумать такое! – возмущенно вскричала Амелия. Но опомнилась и, понизив голос, продолжила: – Не думаю, что это законно – оставлять его здесь. Я должна рассказать все Лукасу.

– Нет, пожалуйста! Он не причинит вреда – он ранен! Ради меня, давай поможем ему поправиться, а потом он продолжит свой путь! – взмолилась Джулианна.

Амелия во все глаза смотрела на нее, ошеломленная, мрачнее тучи. После долгого молчания она наконец произнесла:

– Кто-нибудь узнает.

– Я хочу как можно быстрее увидеться с Томом. Он поможет сохранить в тайне пребывание раненого в нашем доме.

Недовольство ясно читалось по лицу Амелии.

– Я думала, Том ухаживает за тобой.

Джулианна улыбнулась: тема беседы изменилась, и это означало, что она добилась своего.

– Мы с Томом вечно обсуждаем политику, Амелия. Мы разделяем одни политические взгляды. Но это едва ли можно назвать ухаживаниями.

– Он явно влюблен в тебя по уши. И может не одобрить нашего гостя.

Джулианна бросила взгляд в спальню – и побледнела.

Шарль внимательно наблюдал за ними, на его лице застыло странно настороженное, даже тревожное выражение.

В тот самый момент, когда француз заметил, что Джулианна смотрит на него, он поспешил улыбнуться и попытался усесться на кровати. Простыни упали к его талии, обнажая мускулистую грудь.

Джулианна застыла на месте. Ей показалось или раненый только что посмотрел на нее как на врага, которому не доверяет?

Амелия бросилась в комнату, на лице сестры мелькнула досада. Джулианна последовала за ней в спальню, ощущая, как уже знакомая неловкость постепенно сковывает тело.

Неужели он подслушал их спор?

Если Шарль и стал нечаянным свидетелем их разговора, то виду не подал. Вместо этого он искоса бросил на Джулианну глубокий, чересчур сердечный взгляд. Внутри у нее все перевернулось – Шарль посмотрел так, словно их связывала какая-то греховная тайна.

Но разве у них были общие секреты?

Картины недавнего прошлого замелькали перед мысленным взором Джулианны: Шарль поднимается на ноги, совершенно обнаженный, после падения; простыня наброшена вокруг его талии – небрежно, явно не из заботы о благопристойности; вот он медленно, обольстительно улыбается, словно намекая на нечто непристойное, и пылко целует ее в горячечном бреду.

Теперь сердце Джулианны неистово колотилось, заходясь от волнения.

Она пристально взглянула на Амелию, но по сестре нельзя было сказать, что она заинтересовалась широкой, искусно вылепленной грудью француз. Он целомудренно подтянул простыни повыше. А когда Амелия направилась к столу, чтобы забрать поднос с едой, Шарль снова взглянул на Джулианну, и его глаза засияли теплым светом.

– Это ваша сестра, полагаю? – спросил раненый.

И прежде чем Джулианна смогла ответить, Амелия обернулась к нему, держа поднос с ужином. Старшая сестра превосходно говорила по-французски, а еще знала испанский и немного немецкий и португальский языки.

– Добрый вечер, месье Морис. Надеюсь, вы чувствуете себя лучше. Я – Амелия Грейстоун.

– Очень рад познакомиться с вами, мисс Грейстоун. Не могу выразить всю благодарность, которую чувствую по отношению к вам и вашей сестре. Я так признателен вам за оказанное гостеприимство и доброту, которую вы проявили при уходе за мной во время выздоровления от тяжелых ран!

Амелия протянула Шарлю поднос.

– Не стоит благодарности. А вы действительно отличаетесь хорошими манерами и красноречием, как утверждала моя сестра. Вы говорите по-английски?

Шарль принял из ее рук поднос. А потом с сильным акцентом произнес на английском:

– Да, говорю.

И снова посмотрел на Джулианну.

Улыбка медленно сбежала с его лица.

– Должно быть, мои уши должны сейчас... гореть?

Джулианна почувствовала, как покраснела.

– Ваша речь превосходна, месье. Я упомянула об этом в разговоре с сестрой. Только и всего.

И Джулианна подумала о том, что его английская речь, хотя и одобренная сильным акцентом, тоже весьма впечатляет.

Это замечание, похоже, порадовало француза. Переведя взгляд на Амелию, стоявшую у его кровати, Шарль спросил:

– А что еще сестра рассказала вам обо мне?

На лице Амелии мелькнула натянутая, неестественная улыбка.

– Возможно, вам лучше спросить об этом у нее самой. Прошу прощения. – Старшая сестра повернулась к Джулианне: – Маме пора ужинать. Увидимся позже, Джулианна.

И Амелия удалилась.

– Я ей не понравился, – заметил Шарль, снова переходя на французский язык, и в его тоне зазвучали смешливые нотки.

Джулианна резко вздрогнула и увидела, как Шарль положил руку на обнаженную мускулистую грудь.

– У Амелии очень строгий, рассудительный характер, месье.

– В самом деле? А я и не заметил.

Джулианна почувствовала, как часть сковавшей ее напряженности улетучилась.

– А вы, месье, в прекрасном настроении.

– Да и как может быть иначе? Я проспал несколько часов, а сейчас нахожусь в компании красивой женщины – моей собственной сестры милосердия.

И он в который раз одарил ее долгим взглядом.

Джулианна вмиг почувствовала, как тяжело перевернулось сердце в груди. И поспешила напомнить себе о том, что все французы обожают флиртовать. Чтобы скрыть смятение, она произнесла:

– Вы проспали больше суток, месье. Разумеется, вы почувствуете себя гораздо лучше.

Его глаза удивленно распахнулись.

– Какое сегодня число, мадемуазель?

– Десятое июля, – ответила она. – Это важно?

– Я совсем утратил чувство времени. Как долго я нахожусь здесь?

Джулианна не могла понять, что так беспокоит гостя их дома.

– Вы здесь вот уже восемь дней, месье.

Его глаза округлились.

– Этот факт тревожит вас? – Она подошла ближе. Сестра оставила поднос с едой для больного на прикроватном столике.

Шарль снова улыбнулся:

– Я просто удивлен.

Джулианна подтянула кресло к изголовью кровати.

– Вы голодны?

– Просто умираю с голоду.

Она уселась рядом с Шарлем:

– Вам нужна помощь?

– А вы не устали ухаживать за мной?

Осторожно глядя на него, Джулианна ответила:

– Конечно нет.

Подопечному, судя по всему, понравился ее ответ. Джулианна вдруг осознала, что они смотрят друг другу в глаза – уже довольно долго – обреченно, не в силах оторваться. Ценой невероятных усилий Джулианне удалось отвести взгляд. Ее щеки, казалось, горели. Точно так же, как горло и грудь.

Она помогла Шарлю поставить поднос на колени и уселась обратно в кресло, когда он приступил к ужину. В комнате воцарилась тишина. Раненый явно проголодался. Джулианна уже без утайки, открыто смотрела на него, начиная думать, что он счел ее привлекательной в той же степени, что и она – его. Конечно, все французы склонны заигрывать... но что, если Шарль чувствовал к ней то же самое, что и она – к нему?

Сердце неустанно колотилось в груди. Джулианна смотрела на тени в комнате, огонь в маленьком камине, темную лунную ночь за окном – и осознавала, что они с Шарлем только вдвоем, наедине в его спальне, поздним вечером.

Покончив с ужином, он снова откинулся на подушки – так устало, словно поглощение пищи потребовало немалых усилий, и все же его взгляд по-прежнему был серьезным и пронизательным. Джулианна переставила поднос на стол, гадая про себя, что же мог значить этот сосредоточенный, пристальный взгляд.

В этот очень поздний час было неприлично оставаться здесь, наедине с едва знакомым мужчиной. Но он только что проснулся. И как ей поступить – уйти? А если она останется, Шарль поцелует ее снова? Наверняка нет, он, вероятно, даже не помнит тот поцелуй!

Шарль нарушил молчание, тихо спросив:

– Я заставляю вас чувствовать себя неловко?

Джулианна вспыхнула, уже приготовившись отрицать это. Но потом передумала:

– Я просто не привыкла проводить так много времени в компании незнакомого человека.

– Да, я так и подумал. Очевидно, уже поздно, но я только что проснулся. И мне хотелось бы побыть с вами, мадемуазель, совсем недолго.

– Конечно, – задрожала она от радости.

– А можно ли позаимствовать одежду вашего брата прямо сейчас? – Шарль медленно, лениво расплылся в улыбке.

Джулианна подумала о том, что это, разумеется, значительно облегчило бы ситуацию. Она ненадолго ушла, принесла обещанную одежду, вручила гостю и покинула комнату. В коридоре она прижала ладони к лихорадочно горевшим щекам. Что же с ней происходит? Ведет себя совсем как девчонка, хотя на деле – уже взрослая женщина! Раненый поцеловал ее, мечась в бреду. Теперь бедняга казался таким одиноким... Вот, собственно, и все. А еще у нее была масса вопросов к этому французу – хотя она никак не могла перестать думать о его губах, прижимавшихся к ее губам.

Дверь за спиной Джулианны открылась, и на пороге возник Шарль, на котором теперь красовались бриджи Лукаса и простая батистовая рубашка. Француз молчал, что только усиливало охватившее Джулианну чувство неловкости, просто ждал, когда она войдет в спальню перед ним. Он вернул кресло к столу, предусмотрительно отставив, чтобы Джулианна могла сесть. Сейчас повисшая тишина казалась еще более неловкой, чем прежде.

«А этот Шарль – настоящий джентльмен», – подумала Джулианна, усаживаясь за стол. Такой человек ни за что не воспользовался бы ситуацией и не попытался бы заполучить еще один поцелуй.

Шарль опустил во второе кресло.

– Я изголодался по новостям, мадемуазель. Что происходит во Франции?

Джулианна вспомнила, о чем раненый говорил в бреду, и хотела было спросить его о сражении, которое он переживал снова и снова. Но испугалась, что это может лишний раз потревожить, причинить ему страдания. И очень осторожно, тщательно подбирая слова, сказала:

– Есть хорошие новости и плохие новости, месье.

– Пожалуйста, расскажите. – Он доверительно наклонился к ней.

Джулианна нерешительно помедлила.

– После поражения французов во Фландрии Великобритания и ее союзники продолжают перебрасывать войска к франко-бельгийской границе, укрепляя свои позиции. Майнц остается в осаде, а в Тулоне, Лионе и Марселе вспыхнули восстания роялистов.

Шарль пристально смотрел на Джулианну, его лицо казалось твердым как камень.

– А хорошие новости?

Она попыталась заглянуть Шарлю в глаза, но так и не смогла уловить в них сейчас вспышку волнения.

– Роялистов разгромили близ Нанта. Правда, мы пока не знаем, подавлен ли их мятеж раз и навсегда, но это кажется возможным.

Выражение лица Шарля оставалось неизменным, словно он и вовсе не слушал ее.

– Месье? – порывисто выпалила Джулианна. – Когда же вы скажете мне правду?

– Правду, мадемуазель?

От волнения она, казалось, утратила способность дышать.

– Вы бредили.

– Да.

– Я знаю, кто вы.

– А это что, тайна?

Джулианна почувствовала себя так, словно оказалась в самой гуще какой-то ужасной игры.

– Месье, в бреду вы плакали в моих объятиях, страдали, что потеряли очень много людей – солдат – своих солдат. Я знаю, что вы – офицер французской армии!

Его взгляд остался таким же невозмутимым.

Джулианна потянулась к руке Шарля и сжала ее. Ни один его мускул не дрогнул.

– Я плакала вместе с вами, Шарль. Ваши потери – мои потери. Мы с вами – на одной стороне!

И тут Шарль наконец-то оттаял и посмотрел вниз, на ее руку. Джулианна по-прежнему не решалась взглянуть ему в глаза.

– Тогда я спокоен, – тихо сказал он. – Потому что оказался среди друзей.

Глава 3

Выходит, он думал, что оказался среди врагов?..

– Но я ведь заботилась о вас всю неделю, – напомнила Джулианна, убирая свою ладонь от его руки.

Теперь зеленые глаза Шарля пристально смотрели прямо на нее.

– Уверен, вы заботились бы о любом умирающем, независимо от того, из какой он страны или каких политических взглядов.

– Конечно, заботилась бы.

– Я – француз, вы – англичанка. Что я мог подумать после того, как пришел в себя?

Джулианна начала осознавать, в каком затруднительном положении он мог обнаружить себя, когда очнулся в незнакомом доме.

– Мы с вами – на одной стороне, месье. Да, наши страны находятся в состоянии войны. Да, я – англичанка, а вы – француз. Но я горжусь тем, что поддерживаю революцию, произошедшую в вашей стране. Я была в восторге, когда поняла, что вы – офицер французской армии!

– Значит, вы придерживаетесь радикальных взглядов.

– Да. – Их взоры встретились и надолго слились. Глаза Шарля уже не были суровыми, как прежде, и все же Джулианна ощущала странную неловкость, словно что-то вывело ее из душевного равновесия, словно она оказалась на важном – нет, решающем судьбу – допросе. – Здесь, в Пензансе, у нас действует Общество друзей простых людей. Я – одна из основателей.

Шарль откинулся на спинку кресла; судя по всему, услышанное впечатлило француза.

– Вы – необыкновенная женщина.

Джулианна не смогла заставить себя улыбнуться.

– Принадлежность к слабому полу никогда не будет сдерживать меня, месье.

– И я вижу это. Итак, вы – истинная сторонница якобинцев.

Джулианна помедлила, сомневаясь, стоит ли откровенничать дальше. Она что, и правда на допросе? Впрочем, может ли она осуждать его за это любопытство?

– Неужели вы действительно думали, что попали в дом, битком набитый врагами?

Его губы растянулись в улыбке, но глаза не засияли теплотой.

– Разумеется, я так и думал.

Джулианна по-прежнему не имела представления о глубине постигшего его бедствия: Шарль был мастером по умению скрывать свои мысли и чувства.

– Вы находитесь среди друзей. Я – ваш друг. По-моему, вы – великий герой революции.

Брови Шарля изумленно взлетели вверх. И в этот момент Джулианна поняла, что он наконец-то позволил себе расслабиться.

– Чего еще можно пожелать, если мне так повезло? Если мне выпало счастье быть вверенным вашим заботам? – Он вдруг потянулся к ее руке. – Быть может, я выражаюсь слишком прямо, Джулианна?

Она застыла на месте. Шарль никогда еще не называл ее по имени, он даже не обращался к ней «мисс Грейстоун». Только постоянно говорил ей «мадемуазель». И все же она не стала возражать против невольной фамильярности.

– Нет.

В этот момент он понял: Джулианна только что позволила ему более неформальное, дружеское общение – и, возможно, открыла дверь для дальнейшего сближения.

Шарль не выпускал ее руку. Ситуация выглядела двусмысленной: было поздно и темно, они остались в спальне наедине.

– Надеюсь, вы не боитесь меня, – негромко сказал Шарль.

Джулианна подняла взор от их соединенных рук.

– Почему я должна бояться вас, месье?

Он встретился с ней взглядом:

– Герой или нет, но я для вас – незнакомец... и мы здесь одни.

Джулианна не нашлась что ответить. Шарль не отводил твердый, глубокий взгляд.

– Я искренне наслаждаюсь нашей беседой, месье, – после долгого молчания произнесла она. – У нас так много общего.

– Да, в самом деле. – Француз выглядел довольным. – Я рад, что вы думаете обо мне именно так, Джулианна.

– А что еще я могу думать? – Она заставила себя слабо улыбнуться. – Вы боретесь за равенство во Франции и свободу для всех людей, повсюду. Вы рискуете жизнью во имя великой, всеобщей цели. Вы чуть не умерли ради свободы!

Он наконец-то отпустил ее руку.

– А вы романтичны.

– Это правда.

Шарль пристально посмотрел на нее:

– Расскажите мне, о чем вы думаете.

Он говорил приглушенно, но в тоне уже не в первый раз слышались приказные нотки. Джулианна почувствовала, как краснеет до корней волос. Ей удалось заставить себя отвести взгляд и посмотреть вниз, на разделявший их стол.

– Некоторые мысли лучше держать при себе.

– Согласен, некоторые – да. Я думаю о том, что мне очень повезло оказаться вверенным вашим заботам. И вовсе не потому, что вы поддерживаете якобинцев.

Она резко вздрогнула и подняла на него всполошенный взгляд.

– Когда я проснулся в первый раз, сразу вспомнил о том, что видел во сне красавицу с золотисто-каштановыми волосами, которая ухаживала за мной, заботилась обо мне. А потом я увидел вас и понял, что это был не сон.

Образно выражаясь, он только что вошел в открытую Джулианной дверь...

– Я слишком тороплю события? Я привык изъясняться прямо, Джулианна. На войне поневоле начинаешь ценить время и понимаешь, что ни одно мгновение не стоит тратить впустую.

– Нет. Вы вовсе не забегаете вперед. – Она уже не могла скрыть объявшей все тело дрожи.

Выходит, Шарль чувствовал к ней то же влечение, что она – к нему. Амелия была бы возмущена, если бы узнала, какой поворот приняли события, а братья пришли бы в ярость.

– А ваша сестра думает обо мне то же, что и вы?

Джулианна была настолько ошеломлена и застигнута врасплох, что на какой-то нелепый миг даже решила, что Шарль спрашивает ее о том, считает ли его привлекательным и Амелия.

– У меня не создалось впечатления, что она воспринимает меня как героя войны, – заметил он.

Ах, как же трудно было думать в этот момент об Амелии! Но француз явно ждал ответа. Джулианна жадно глотнула воздух. Тема поменялась слишком неожиданно!

– Нет, она не считает вас героем, – вздохнула Джулианна.

– Она настроена не столь радикально, как вы? – уточнил Шарль.

Она снова глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

– Амелия вообще не придерживается радикальных взглядов, месье, – объяснила Джулианна. Она по-прежнему не могла разгадать, о чем думает, что чувствует ее собеседник. А волновать его не хотелось. – Но сестра не интересуется политикой, и она никогда не передаст вас в руки властей, обещаю вам это.

Какое-то время Шарль пристально смотрел на Джулианну, обдумывая ее слова. Потом потер шею так, словно та болела. И прежде чем Джулианна успела спросить, все ли с ним в порядке, произнес:

– А у вас есть возможность помогать нашим союзникам-якобинцам во Франции? Это очень сложно – послать им весточку?

– Это непросто, но в наши дни ведь есть курьеры. Нужно просто щедро заплатить, чтобы сообщение было доставлено через Ла-Манш, – ответила Джулианна и задумалась: неужели он действительно хотел отправить письмо во Францию? Тело Джулианны снова сковало напряжением. Возможно, Шарль хочет дать знать Надин, что он жив?

– Что-то не так?

Та француженка, должно быть, приходилась ему возлюбленной – он наверняка не был женат, ведь он так явно заигрывал с Джулианной. Но ей очень не хотелось портить вечер, расспрашивая Шарля об этой женщине. Джулианна боялась узнать, что он по-прежнему любит Надин.

Она поспешила улыбнуться:

– Я просто думала о том, что хотела бы иметь возможность больше помогать нашим союзникам в Париже. До этого момента мы лишь обменялись несколькими письмами и идеями.

Шарль улыбнулся ей в ответ.

– А что насчет вашего брата, Лукаса? Рано или поздно мне придется найти способ отблагодарить его за взятую займы одежду.

Джулианна пристально взглянула на Шарля, чувствуя, что он хочет спросить нечто большее.

– Лукас не станет возражать по поводу того, что вы носите его одежду. Он – щедрый человек.

– Он передал бы меня властям?

Француз беспокоился, и небезосновательно, подумала Джулианна. Она колебалась. Разве она сама не боялась, что Лукас сделает именно это – выдаст неприятеля? Шарль определенно устроил ей настоящий допрос.

– Нет, – наконец произнесла Джулианна. – Он бы этого не сделал.

В конце концов, она сама не позволила бы брату так поступить.

– Получается, он – радикал, как и вы?

Она помрачнела:

– Нет.

– Джулианна?

– Боюсь, мой брат Лукас – патриот, – осторожно произнесла она. – Лукас – консерватор. Но у него нет времени на политику. Он управляет этим имением, месье, обеспечивая семью, и это занимает все его время. Брат появляется здесь редко – и я никогда не сказала бы ему, кто вы, если бы он внезапно приехал.

– Значит, вы утаили бы правду обо мне от своего собственного брата, чтобы защитить меня?

Джулианна еле заметно улыбнулась:

– Да, я сделала бы это.

– Вы думаете, он выдал бы меня?

– Нет! Он в любом случае не смог бы совершить ничего подобного, потому что мы никогда не сказали бы ему, кто вы.

– Вы ожидаете его приезда в ближайшем будущем?

– Он всегда дает нам знать, когда намерен вернуться. Вам не стоит волноваться на его счет, – заверила Джулианна. Впрочем, неделю назад Лукас не прислал предварительно письмо, он просто появился дома. Но она решила не рассказывать об этом Шарлю.

Он пристально посмотрел на нее и спросил:

– А другой ваш брат?

– Джека совершенно не волнует война, он не склоняется ни к той, ни к другой стороне.

– Неужели? – Француз явно сомневался.

– Джек – контрабандист, месье. Из-за войны взлетели цены на виски, табак и чай – на самом деле выросли цены на многие товары, – и он утверждает, что это выгодно для его бизнеса.

Шарль снова потер шею и вздохнул:

– Хорошо.

Джулианна не осуждала его за все эти вопросы. Разумеется, он хотел как можно больше узнать о членах ее семьи, а заодно и о том, каких политических взглядов они придерживаются. Шарль хотел удостовериться, в безопасности ли он. Джулианна молча наблюдала, как француз массировал шею. Неужели ему было настолько не по себе, что затекло все тело? Хотя как могло быть иначе, в его-то ситуации?

– Не устаю задаваться вопросом, почему Джек привез вас сюда.

Шарль в упор посмотрел на нее.

Когда он так и не ответил, Джулианна, не сумев истолковать суть этого прямого взгляда, объяснила:

– Я не видела Джека с тех пор, как он доставил вас сюда, – он беспорядочно мечется туда-сюда, приходит и уходит. Вот и на этот раз его не было, когда я приехала домой и застала вас здесь в ужасном состоянии. Я до сих пор гадаю, что же произошло. Лукас сказал только, что Джек наткнулся на вас, истекающего кровью, на причале в Бресте.

Шарль явно колебался, желая что-то сказать.

– Я должен кое в чем признаться, Джулианна. Я не помню, как попал сюда.

Джулианна была ошеломлена.

– Почему же вы ничего не сказали? – вскричала она, тут же встревожившись.

– Мы ведь с вами только-только познакомились.

Джулианна не могла принять это объяснение. Почему Шарль не спросил ее, как очутился в этом доме, если ничего не помнил об этом? Как странно! И все же она сильно переживала за несчастного.

– А что вы вообще помните? Есть ли другие провалы в памяти?

– Помню, что меня ранило в битве, – ответил Шарль. – Мы сражались с вандейскими роялистами. В тот миг, когда пуля пронзила мою спину, я понял, что нахожусь в смертельной опасности. Все затуманила боль, а потом я просто провалился в темноту.

Подумать только: гость их дома участвовал в великой битве против вандейских роялистов! А когда Джулианна рассказала ему новости о разгроме противников, он и глазом не моргнул! Ей оставалось только гадать, почему же Шарль не выказал своей радости по поводу победы товарищей – поражение роялистов, безусловно, взволновало его гораздо больше. Выглядело странным, что он встретил новости о последнем сражении с таким безразличием.

– Разве Нант не удален от побережья океана?

Шарль сосредоточенно смотрел на поверхность стола.

– Догадываюсь, что мои люди доставили меня в Брест. Жаль, что не могу этого вспомнить. Они, возможно, оказались там в поисках военного врача – у нас вечно не хватает врачей. Вероятно, мы разделились и оказались отрезанными от наших войск. Или, может быть, они оказались дезертирами. – Шарль поднял взгляд на Джулианну. – Существует множество сценариев развития событий. Допускаю даже, что они, добравшись до Бреста, решили бросить меня, оставив умирать.

Джулианна была потрясена. Как же люди Шарля могли бросить его в таком состоянии, обрекая на верную смерть? Неужели они были такими трусами? Теперь Шарль пристально, во все глаза смотрел на нее. Джулианна задрожала.

– Слава богу, Джек вас нашел! Я до сих пор не понимаю, почему он перевез вас в Корнуолл, – воскликнула она, и их взгляды встретились, – но он, возможно, ошибся, приняв вас за такого же контрабандиста. Зная своего брата, полагаю, что он мог в спешке высадиться на берег. Он вечно удирает от какого-нибудь судна или от таможенников. Полагаю, вместо того, чтобы бросить вас умирать, он просто взял вас на борт своего корабля и быстро отчалил от берега. Да и Лукас, должно быть, счел вас контрабандистом.

– Независимо от того, что произошло, мне повезло, не так ли? Если бы Джек не спас меня, я не сидел бы сейчас здесь, с вами.

Его взгляд казался глубоким, многозначительным.

– Я тоже очень рада, что он спас вас, – тихо призналась Джулианна. – Рано или поздно Джек вернется домой, и тогда мы сможем узнать, что же произошло на самом деле.

Шарль потянулся через стол и взял Джулианну за руку, вложив ее кисть в свою большую ладонь.

– Сама судьба передала меня в ваши руки, – сказал он. – Разве уже одного этого не достаточно для счастья? Вы спасли мне жизнь.

Его нежный тон волной накрыл Джулианну, только усилив сковавшую ее неловкость.

Когда она взглянула на Шарля, тот вздохнул, отпустил ее руку и принялся снова растирать шею.

– Возблагодари Господь Джека, – тихо добавил он.

Джулианна растерянно наблюдала, как собеседник массирует шею.

Шарль поймал взгляд Джулианны, и его лицо исказила гримаса.

– Думаю, я слишком долго пробыл в кровати. Шея ужасно затекла.

Волнение в душе Джулианны достигло пика. Она могла помочь больному – если бы осмелилась.

– Вам больно?

– Немного.

Сердце Джулианны разрывалось от сочувствия. Ей хотелось утешить Шарля. Но в ее намерении таилось и нечто большее. Она хотела прикоснуться к нему.

Джулианна омывала тело Шарля, пока он был без сознания. Она знала, какова его кожа на ощупь, какие крепкие у него мускулы...

Джулианна замерла на месте, на несколько секунд утратив способность дышать.

Потом она медленно поднялась с места, едва ли способная поверить, что решится на такую смелость. Сейчас она чувствовала себя другой женщиной – старше, мудрее и опытнее. Джулианна, которую она знала, – которую знали ее близкие и друзья, – никогда не совершила бы того, что она сейчас задумала.

Безжизненные, вялые глаза Шарля стали настороженными.

Джулианна прошептала:

– Я могу помочь облегчить вашу боль, месье?

Он поднял на нее глаза:

– Да.

Джулианна обошла стол, направившись к Шарлю.

Измученная собственной дерзостью, она подошла к нему сзади. И начала растирать его шею.

Шарль издал низкий, гортанный звук. Это было нечто необычайно мужское и необычайно чувственное.

Волна желания тут же снова нахлынула на нее. Все остальные мысли разом вылетели из головы, и Джулианна принялась сильнее давить на затекшие мускулы его шеи большими пальцами, пытаясь не трепетать всем телом, стараясь не дышать... И, продолжая свой нехитрый массаж, она почувствовала, как окостеневшие мускулы немного смягчились, а голова Шарля откинулась назад.

Если он и понял, что положил голову на ее груди, то виду не подал.

Утром Джулианна несколько раз пыталась справиться о самочувствии Шарля, но он спал. Бедняга по-прежнему восстанавливался после серьезного ранения и последовавшего в результате заражения – и прошлым вечером Джулианна не покидала его спальню до половины одиннадцатого.

Джулианна задумчиво прикусила губу. Был уже полдень. «Сердце колотится, как у глупой девчонки», – подумала она, остановившись в коридоре у двери Шарля. Интересно, она все это придумала или между ними действительно происходит нечто восхитительное? Шарль считал ее красивой – он говорил об этом, причем несколько раз. Он чувствовал ее так же тонко, как она – его. А еще они оба были пылкими революционерами. Что, если они полюбили друг друга?

Ах, если бы у Джулианны было больше опыта в амурных делах! Никогда прежде она не интересовалась кем-либо вот так. Нет, подобные чувства не могли быть невзаимными!

Но Джулианна должна была спросить у Шарля о Надин. Ей во что бы то ни стало нужно было узнать о его отношениях с другой женщиной.

Джулианна заглянула в комнату, нервно улыбаясь. Шарль стоял у окна. Он был без рубашки, выглядывал наружу. На какое-то мгновение Джулианна загляделась на его широкие плечи, мускулистую грудь и узкую талию. Во рту у Джулианны пересохло, пульс участился, и она прошептала:

– Месье? Доброе утро.

Шарль медленно повернулся, улыбаясь ей:

– Доброе утро, Джулианна.

Определенно, француз все это время чувствовал, что она стояла на пороге.

Сердце Джулианны тяжело трепыхнулось в груди. То, как Шарль смотрел на нее сейчас, красноречиво свидетельствовало: он наверняка думал о прошлом вечере, который они провели вместе. Этот взгляд дал Джулианне понять, что Шарль питает к ней не меньший интерес, чем она – к нему.

Француз окинул Джулианну пристальным взглядом, явно отмечая тот факт, что она завila локоны, обрамлявшие ее лицо. Джулианна оставила волосы распущенными, и теперь они ниспадали прямо к спине, по последней моде. Сегодня на Джулианне красовалось еще одно муслиновое платье цвета слоновой кости, с круглым вырезом и более пышными юбками. Проницательный взгляд Шарля скользнул по ее груди, после чего он опустил глаза и направился к креслу, на котором висела его рубашка. Шарль медленно, не сводя глаз с Джулианны, взял рубашку.

Джулианна собиралась отвести взор, но никак не могла оторваться от созерцания того, как Шарль натягивает рубашку. Мускулы его груди и рук немного напряглись. Он поднял глаза и встретился с Джулианной взглядом. Но на сей раз не улыбнулся.

Желание нахлынуло на Джулианну, заставив безвольно обмякнуть всем телом. Она молилась, чтобы не покраснеть. И заставила себя улыбнуться.

– Как вы сегодня чувствуете себя, месье?

Джулианна вдруг осознала, что со всей силой вцепилась в ручку двери, словно боясь потерять равновесие.

– Лучше. – Шарль по-прежнему говорил очень тихо. Помедлив, он вдруг заметил: – Вы изменили прическу.

– Сегодня днем мне, возможно, придется поехать в Пензанс, – солгала Джулианна.

– Разве вы уложили волосы иначе не для меня? – спросил Шарль.

Она застыла на месте.

– Да, для вас.

– Я рад, – отозвался он. – Полагаю, я чувствую себя достаточно хорошо для того, чтобы спуститься вниз, если вы не возражаете. Легкая прогулка благотворно подействует на мое здоровье.

Джулианна удивленно взглянула на него:

– Разумеется, я не возражаю.

Она согласилась, но всерьез усомнилась, в состоянии ли раненый спуститься по довольно крутой и узкой лестнице.

– Я начинаю сходить с ума в этих четырех стенах, – добавил Шарль, застегивая рубашку.

Джулианна стояла и наблюдала, как его длинные грубоватые пальцы вставляют пуговицы в петли. Вчера вечером руки Шарля лежали на подлокотниках кресла, пока она растирала его затекшую шею. Через какое-то время Джулианна заметила, что его суставы побелели. Она все еще не могла поверить в собственное безрассудство, равно и в то, как волновали ее прикосновения к Шарлю.

Теперь он уселся и стал натягивать чулки.

Джулианне хотелось побольше узнать о его семье, но она лишь спросила:

– Могу ли я вам помочь?

– Разве вы и без того недостаточно помогли мне? – В его тоне послышались насмешливые нотки.

Шарль понял, что она нервничает и дрожит, как юная дебютантка, подумала Джулианна, заливаясь краской. Посмотрев, как Шарль надел сапоги, она решилась:

– Где живет ваша семья?

Он поднялся.

– Моя семья из Луары. Мой отец держал магазин в Нанте. – Шарль улыбнулся, протягивая руку. – Вы пройдетесь со мной, Джулианна? Не думаю, что мог бы желать чего-то большего.

Джулианна взяла его под руку:

– Вы так галантны! Конечно, я прогуляюсь с вами. Я лишь хочу надеяться, что мы не торопимся с выводами о вашем выздоровлении.

– Мне приятно ваше беспокойство. – Его взгляд скользнул по лицу Джулианны, задержавшись на ее губах.

И она тут же забыла, что так волновалась о самочувствии Шарля. Он явно думал о том, чтобы поцеловать ее.

– Я был бы расстроен, – тихо заметил Шарль, – если бы вы не беспокоились обо мне.

Улыбка выдала Джулианну с головой. Шарль жестом предложил ей двинуться вперед, и они направились по коридору в полном молчании. Джулианна чувствовала, что мысли лихорадочно мелькали в сознании Шарля. Ах, как бы ей хотелось сейчас узнать, о чем именно он думает! Джулианне почему-то казалось, что это были мысли о ней...

Она вдруг ощутила, что дыхание Шарля стало затрудненным.

– Месье?

Он остановился, прислонившись к стене:

– Со мной все в порядке.

Джулианна еще крепче стиснула руку Шарля, помогая ему удержать равновесие, и его бицепс прижался к ее груди. Их взгляды слились.

Сердце Джулианны гулко стукнуло.

А потом несчастный резко осел, словно у него подогнулись колени. Джулианна бросилась вперед, обхватив Шарля руками за талию и боясь, как бы он не упал и не скатился с лестницы. Она обняла француза, прижавшись лицом к его груди.

– Вы слишком слабы для прогулок, – затаив дыхание, упрекнула Джулианна. Сейчас она могла слышать, как бьется его сердце под ее ухом.

Шарль молчал, тяжело дыша, и Джулианна вдруг почувствовала, как его бессильная поза изменилась. Он крепко, бесцеремонно схватил ее за талию, его подбородок прижался к ее виску, и Джулианна почувствовала на своей щеке его дыхание.

Они сжимали друг друга в объятиях.

Джулианна потеряла способность дышать. Ее сердце гулко забилося. Тело Шарля все больше напрягалось рядом с ее телом.

Джулианна застыла на месте. Подняв взор, она заметила, что глаза француза пылали страстным огнем.

– Джулианна, – бросил Шарль, – так вы кажетесь мне слишком соблазнительной.

Его тон казался развязным. Джулианна в волнении облизала губы.

– Месье...

Неужели она осмелилась бы признать, что он точно так же соблазнял ее?

– Просто Шарль, – тихо поправил он, все крепче сжимая ее в объятиях. – Вы так красивы... Так добры.

Джулианна едва ли могла думать. Она по-прежнему почти всем телом прижималась к Шарлю. Ее груди вдавлились в его мощный торс. Ее юбки спадали ему на ноги. Она чувствовала его колени, прижимавшиеся к ее бедрам. Возбуждение Шарля явно нарастало, ничего подобного Джулианна прежде не испытывала. Ее так и тянуло сказать, что она не станет возражать, если ему вздумается поцеловать ее. Джулианна хотела этого – сказать по правде, она отчаянно желала коснуться его губ в ответном поцелуе.

Шарль внезапно подвинулся, и она оказалась прижатой к стене спиной. Взгляд француза скользнул по губам Джулианны, но он отпустил ее, сделав шаг назад:

– Я не хочу злоупотреблять вашим добрым отношением.

Никогда еще в своей жизни она не чувствовала такого разочарования.

– Вы явно не можете обмануть меня.

Одна бровь Шарля скептически поднялась вверх.

– Вы – неопытная женщина.

– У меня огромное количество самого разнообразного жизненного опыта, – попыталась парировать Джулианна.

– Я не имею в виду собрания вашего общества и дискуссии, Джулианна.

И Шарль устремил на нее красноречивый взгляд.

Она не знала, что и сказать.

– За мной ухаживают. Том Трейтон от меня без ума.

Он снова пристально посмотрел на нее:

– Давайте спустимся вниз. Теперь я уверен, что смогу это сделать.

Джулианну охватило смятение. Почему он не поцеловал ее? И неужели ему все равно, что за ней ухаживает некий Том? Джулианна смогла заговорить лишь после небольшой паузы.

– Вы действительно в этом уверены? Очевидно, вы гораздо слабее, чем мы с вами думаем.

– Я уверен, – тихо сказал Шарль, – что должен восстановить силы, а я никогда не смогу сделать это, лежа в кровати и вынуждая вас потакать каждой моей прихоти.

Он внезапно отстранился от Джулианны, вцепился в перила и принялся спускаться вниз, не оставляя ей никакого выбора, кроме как следовать за ним.

Оказавшись в холле внизу, Шарль остановился, слегка держась за перила и внимательно осматривая все вокруг.

На мгновение Джулианне показалось, что он пытается запомнить обстановку ее дома.

– Пожалуй, нам стоит сесть перед камином, – предложила она, показав на два бордовых кресла.

– Это – гостиная? – спросил Шарль, глядя на закрытую двойную дверь.

– Это – библиотека. Гостиная – самая ближняя к входной двери комната.

Он бросил взгляд мимо дверей библиотеки.

– А там – столовая, – поспешила ответить Джулианна на молчаливый вопрос.

Лицо Шарля было бледным. Ему все же не стоило спускаться вниз. Он обернулся к Джулианне:

– А где ваши мать и сестра?

Интересно, почему Шарль спрашивает об этом, – хочет узнать, остались ли они наедине?

– Амелия вывела маму на улицу, на ежедневную прогулку. Они совсем скоро вернутся, ведь мама не может уходить далеко.

– Я надеялся на экскурсию по усадьбе. – Шарль наконец-то улыбнулся ей, но его глаза не засияли теплотой, и это показалось Джулианне странным. Впрочем, она видела, что француз необычайно бледен. Капельки пота выступили над его бровью.

– Вы тоже не можете ходить на дальние расстояния. С вашей экскурсией придется повременить.

Шарль снова вскинул бровь, удивленный решительным тоном Джулианны.

– Мы возвращаемся наверх, – категорично заявила она. – Вы – не единственный, способный отдавать приказы. Вы все еще больны!

Шарль взглянул на нее. Что-то вроде радости замерцало в его глазах.

– Вы так беспокоитесь обо мне! Определенно, мне будет не хватать вашего заботливого волнения, когда я уеду.

Джулианна вздрогнула. Подумать только, а она и думать забыла о том, что однажды Шарль вернется во Францию... Но ведь это наверняка произойдет спустя несколько недель, а то и месяцев!

– Вы чуть не упали с лестницы, – выдавила она.

Шарль медленно улыбнулся:

– Ну и что произошло бы, если бы я упал? Я едва ли мог страдать, ведь после падения вы окружили бы меня вниманием и заботой, Джулианна.

– Вы могли бы снова пострадать, это не смешно, совершенно не смешно! Или вы забыли, как плохо вам было?

Улыбка тут же исчезла с его лица.

– Конечно же не забыл.

Взяв Шарля под руку, Джулианна повела его назад, к лестнице, с сомнением глядя на него.

– Я слишком строптива?

– Вы никогда не будете казаться строптивой. Полагаю, мне даже нравится подчиняться вам.

Она улыбнулась:

– А я-то думала, что нынче в моде бледные, слабые, вечно падающие в обморок, уступчивые женщины.

Шарль сдавленно захихикал. Они направились вверх по лестнице, снова шагая рядом. Джулианна вовсе не собиралась отпускать Шарля, да и он снова наклонился к ней.

– Меня не волнует мода. И уж тем более я никогда не интересовался женщинами, которые вечно падают в обморок.

Джулианна несказанно обрадовалась тому, что ей еще не доводилось падать в обморок, ни разу в жизни. Они прошли по коридору в полной тишине. И, лишь войдя в спальню, Шарль осведомился:

– Так что вы мне прикажете – лечь в постель?

В его глазах плясали ироничные искорки. Но Джулианне показалось, что его слова таят некую двусмысленность. Теперь она опасалась смотреть в сторону кровати.

Джулианна судорожно облизала губы и попыталась бросить как можно более оживленно:

– Если желаете, можете сесть за стол, а я принесу нам с вами легкий ланч.

– Возможно, – отозвался Шарль, немного запинаясь, – мне будет лучше прилечь.

И Джулианна со всех ног кинулась помогать ему.

* * *

Спустя несколько часов Джулианна колебалась, стоя у двери спальни Шарля. Чуть раньше, принеся легкий ланч, она обнаружила своего подопечного крепко спящим. Джулианна поставила поднос с едой на стол, прикрыла больного тонким одеялом и вышла из комнаты.

Дверь осталась приоткрытой, и в том случае, если бы Шарль все еще спал, Джулианна не стала бы стучать. Но, заглянув в спальню, она была вознаграждена чудесной картиной: Шарль сидел за столом и ел рагу, оставленное ею прежде.

– Добрый день, – поприветствовала Джулианна, заходя в комнату.

– Я спал, – отозвался Шарль, кладя вилку рядом с пустой тарелкой.

– Да, спали. Судя по всему, наша маленькая экскурсия слишком вымотала вас. И вы насладились этим поздним ланчем, как я погляжу.

– Вы превосходно готовите.

– Шарль, у меня пригорает все, до чего я дотрагиваюсь, – мне не позволяют готовить. Таково негласное правило этого дома.

Он засмеялся.

– Вам явно стало лучше, – заметила обрадованная Джулианна.

– Да, так и есть. Идите сюда, присядьте и составьте мне компанию, – пригласил Шарль. И, когда она выполнила просьбу, добавил: – Надеюсь, я не показался вам упрямым, когда настаивал сегодня на том, чтобы спуститься вниз.

– Вы не показались мне чересчур упрямым, – поддразнила она. – Вы что, торопитесь поскорее выздороветь?

Джулианна вдруг запнулась, вспомнив, что, поправившись, Шарль покинет имение Грейстоун и вернется во Францию.

– Хотя я от души наслаждаюсь тем, как вы порхаєте надо мной, – улыбнулся он, – я предпочитаю самостоятельно заботиться о себе и удовлетворять свои нужды. Я не приучен быть слабым. И привык сам заботиться об окружающих. А сейчас я едва ли могу заботиться о чем бы то ни было.

Джулианна тонко улавливала его настроение.

– Нынешняя ситуация, должно быть, крайне затруднительна для вас.

– Так и есть. Нам стоит повторить попытку прогуляться завтра. – В его тоне зазвучали приказные нотки, и Джулианна поняла, что не сможет отказать. Шарль улыбнулся. – Впрочем, вы – лучик света в этих тяжелых обстоятельствах. Мне нравится быть здесь с вами, Джулианна. Мне грех жаловаться.

И он встретился с ней взглядом.

Джулианна хотела заверить Шарля, что тоже очень рада его присутствию в этом доме, тому, что он вверен ее заботам, да и пожаловаться ей точно так же не на что. Но вместо этого она замялась, так ничего и не сказав.

– Вы кусаете губу, когда волнуетесь, – тихо заметил Шарль. – Признайтесь, я – ужасное бремя? Это наверняка способно свести с ума – вам приходится ухаживать за незнакомцем изо дня в день. Я занимаю все ваше время.

Джулианна импульсивно схватила его за руку:

– Вы никогда не станете тяжким бременем. Я рада заботиться о вас. Я не возражаю, совсем нет. – Выпалив это, она вдруг ощутила себя так, будто только что призналась в своих чувствах к нему.

Зеленые глаза Шарля потемнели, и он сжал ее руку в ответ:

– Именно это я и хотел услышать.

Джулианна взглянула в его глаза, которые уже загорались страстным огнем. И, затаив дыхание, прошептала:

– Иногда мне кажется, что вы нарочно вынуждаете меня соглашаться и признаваться.

– По-моему, наши беседы проистекают легко и свободно. Это все ваше воображение, Джулианна.

– Да, полагаю, так и есть.

– Я невольно задаюсь вопросом: смогу ли когда-либо вернуть вам этот долг, вознаградить вас за все, что вы уже сделали и по-прежнему делаете для меня?

Когда Шарль смотрел на нее вот так, Джулианна чувствовала, что тает.

– Я никогда не приняла бы от вас вознаграждение, в чем бы оно ни заключалось. Когда вы снова будете здоровы, возьметесь за оружие во имя революции. Это и есть для меня самая желанная награда! – горячо воскликнула она, опять коснувшись его руки.

Шарль сжал руку Джулианны и вдруг крепко прижал ее ладонь к своей груди. Джулианна застыла на месте. На какое-то мгновение ей показалось, что Шарль собирается поцеловать ее ладонь. Но он лишь поднял взор, глядя из-под густых темных ресниц. Джулианна чувствовала, как бьется его сердце – учащенно, немного сбивчиво.

– Как поступили бы ваши соседи, узнай они, что я нахожусь здесь?

– Они ни за что не должны узнать, что вы – здесь! – испуганно бросила Джулианна и добавила: – У вас есть приводящая в замешательство привычка неожиданно менять тему разговора.

– Полагаю, вы правы. Но, боюсь, ваши соседи не разделяют ваших политических симпатий.

Шарль отпустил ее руку.

– Нет, не разделяют, – мрачно подтвердила Джулианна. – В нашем округе найдется несколько радикалов, но с тех пор, как Англия присоединилась к войне против Франции, патриотизм охватил большую часть Корнуолла. Будет лучше, если мои соседи никогда не узнают о том, что вы находитесь здесь – или были здесь.

Но Шарль будто не слышал, о чем она только что сказала.

– А могу ли я узнать, кто ваши соседи и как близко они живут к вашему дому?

«Он снова устроил допрос», – подумала Джулианна, но без осуждения. Если бы она оказалась в положении Шарля, наверняка задавала бы те же самые вопросы.

– Деревня Сеннен расположена совсем недалеко от поместья, и это намного ближе, чем фермы, граничащие с Грейстоуном. Можно сказать, что мы изолированы от остальных, живем в отдалении.

Шарль внимал ей, пытаясь представить расположение имения.

– А на каком расстоянии отсюда находится ближайшая ферма?

Неужели он действительно думает, что от их соседей исходит серьезная опасность?

– Сквайр Джонс арендует земли у лорда Ратледжа, эти владения расположены приблизительно в двух часах езды от нас. Двое других фермеров арендуют земли у графа Сент-Джаста, но это примерно в пятидесяти милях отсюда. Имение Пенроуз включает в себя множество

земель к востоку, но они засушливы и пустынные. Земли Грейстоуна тоже неплодородны – у нас нет арендаторов.

– А сквайр наносит вам визиты? Или Ратледж?

– Сквайр Джонс заезжал к нам лишь один раз, когда его жена серьезно заболела. Ратледж – грубиян и отшельник.

Шарль понимающе кивнул.

– А Сент-Джаст?

– Сент-Джаст не был в своем поместье долгие годы. Он возвращается в очень высоких кругах тори в Лондоне, точно так же, как и Пенроуз – тот крайне редко появляется в наших краях. Насколько я знаю, они дружат. Ни один из них никогда не пожаловал бы к нам с визитом, даже если оказался бы здесь.

– А далеко отсюда Сент-Джаст? И Пенроуз?

– Поместье Сент-Джаст примерно в часе езды от нас, если добираться верхом и при хорошей погоде. Имение Пенроуз – еще дальше, – ответила Джулианна и, пытаясь казаться легкой-мысленной, добавила: – А погода редко бывает хорошей здесь, на юго-западе. – Она потянулась через стол, чтобы взять Шарля за руку, и сказала:

– Я не упрекаю вас за то, что вы задаете так много вопросов. Но мне не хочется, чтобы вы волновались. Я всем сердцем желаю, чтобы вы отдохнули и восстановили здоровье после выпавшего на вашу долю сурового испытания.

Он перехватил ее взгляд:

– Я лишь проявляю осторожность. Где мы находимся точно, Джулианна?

Шарль опустил глаза, мельком скользнув взглядом по ее руке, словно не хотел, чтобы Джулианна сейчас касалась его, а потом осторожно убрал ладонь подальше.

– А можно ли взглянуть на какие-нибудь карты этой местности?

Почти обиженная, Джулианна бросила:

– Мы находимся выше Сеннен-Коува. Вы явно волнуетесь больше, чем показываете!

Он не стал на это отвечать, уточнив:

– А как далеко Сеннен-Коув от Пензанса?

– В часе езды в экипаже.

– А Ла-Манш? Мы ведь близ Атлантики, не так ли? И сколько идти пешком до ближайшего пункта отправления?

«Он уже думает о возвращении во Францию», – мелькнуло в голове потрясенной Джулианны. Но Шарль так слаб – он едва ли сможет поехать на родину в ближайшее время!

– Если вы спуститесь к мысу Лендс-Энд, куда я могу добраться за пятнадцать минут, вы фактически окажетесь перед самым южным отрезком Ла-Манша.

– Мы находимся так близко к Лендс-Энду? – Шарль казался удивленным и обрадованным. – А где расположен ближайший военный порт?

Джулианна скрестила руки на груди. Он, несомненно, вел себя так, словно командовал своим отрядом. Шарль действовал так властно, так непререкаемо, что не повиноваться ему было весьма тяжело, да и причин не отвечать ему у Джулианны не было.

– Обычно боевой артиллерийский корабль стоял на пристани в Сент-Айвзе или в Пензансе, помогая таможенникам. Но после начала войны наши военно-морские силы были переброшены к Ла-Маншу. Однако время от времени боевой корабль курсирует, заходя в тот или иной порт.

Шарль сложил ладони домиком и подпер ими лоб, о чем-то глубоко задумавшись.

– Когда вы собираетесь уехать? – вдруг с надрывом сорвалось с языка Джулианны.

Он поднял на нее взор:

– Мое состояние, очевидно, не позволяет мне отправиться куда-либо прямо сейчас. Вы уже сообщили обо мне якобинцам из Парижа?

Джулианна вздрогнула от неожиданного вопроса:

– Нет, еще не сообщила.

– Я прошу вас не упоминать обо мне. Не хотелось бы, чтобы хоть слово о моем ранении дошло до моей семьи. Я не хочу волновать родных.

– Конечно, не буду упоминать, – отозвалась она, тут же понимая и разделяя его желание.

Шарль наконец смягчился. Он взял ее руку и поцеловал, безмерно удивив Джулианну:

– Прошу прощения. Я не видел от вас ничего, кроме доброты, но только что позволил себе столь грубо допрашивать вас. И все же мне необходимо знать, где затаились мои враги, Джулианна, и точно так же мне требуется понимать, где я нахожусь, – на тот случай, если мне когда-нибудь придется спастись бегством.

– Я понимаю.

Сердце Джулианны билось сейчас столь неистово, что она едва ли могла мыслить здраво. Подумать только: один простой, невинный поцелуй – и она сражена!

– Нет, Джулианна, вы вряд ли можете понять, что это такое – быть окруженным врагами и бояться каждого случайного вздоха поблизости.

Шарль все еще прижимал ее руку к своей груди. Джулианна пробовала дышать, пробовала думать...

– Я защищу вас.

– И как же вы это сделаете? – Шарль не мог скрыть изумление и еще крепче сжал ее руку. Суставы ее пальцев вдруг оказались прижатыми к его обнаженной коже, проглядывавшей поверх рубашки и между расстегнутыми пуговицами. – Вы – такая миниатюрная, хрупкая женщина!

– Я могу защитить вас, сделав так, чтобы никто о вас не узнал.

Глаза Шарля потемнели. Улыбка сбежала с его лица.

– Амелия знает. Лукас знает. Джек знает.

– Только Амелия знает, кто вы, а она никогда не предаст меня.

– «Никогда», – возразил он, – опасное понятие.

– Даже если сюда нагрянут с визитом какие-нибудь соседи, они ни за что не догадаются, что вы – наверху, в этой комнате, – настаивала Джулианна.

– Я верю вам, – сдался Шарль.

– Вот и хорошо! – пылко вскричала она, и их взгляды встретились.

Шарль медленно поднес ее руку к губам. Джулианна застыла на месте. Не отрывая от нее глаз, француз прижался губами к тыльной стороне ладони. На сей раз поцелуй был совершенно иным. Это прикосновение не было легким, невинным или кратким. Его губы скользнули по ложбинке между большим и указательным пальцами. А потом глаза Шарля закрылись, и его губы стали настойчивее. Он целовал ее руку снова и снова...

Все это время, пока Шарль осыпал поцелуями ее ладонь, сердце Джулианны разрывалось на части. Губы Шарля вновь запорхали над ее кожей, с большим пылом, и все тело Джулианны напрялось – теперь и ее собственные глаза закрылись. Его рот стал упрямым и неистовым, словно Шарль наслаждался вкусом ее кожи, словно впереди их ждало нечто большее... Губы Джулианны, которые она так старательно сжимала, невольно приоткрылись. И она услышала слетевший с них еле слышный стон. Шарль разделил ее пальцы и вдохнул аромат нежной плоти. А потом Джулианна ощутила прикосновение его языка.

– В доме есть оружие?

Ее глаза резко распахнулись, встретившись с взглядом его пылких и все же строгих зеленых глаз.

– Джулианна?

Она задрожала. Нахлынувшее страстное желание почти лишило ее способности дышать, говорить.

– Да. – Джулианна облизнула губы и втянула ртом воздух. Все ее тело трепетало, пульсировало от острой потребности быть с этим мужчиной.

– Где?

– В библиотеке есть оружейный шкаф.

Шарль продолжал пристально смотреть на нее. А потом приподнял ее ладонь, поцеловал и выпустил из рук. Внезапно он резко поднялся.

И Джулианна подумала о том, что, если Шарль когда-нибудь поцелует ее по-настоящему, со всей страстью, которая так и бушует между ними, она может потерять все свое благоразумие.

Шарль взглянул на нее:

– Вы знаете, как пользоваться пистолетом? Или мушкетом?

Джулианна подумала о том, что пора бы найти в себе хоть каплю самообладания.

– Разумеется, знаю. Для женщины я хорошо стреляю, – ответила она и, помедлив, заметила: – Вы явно не чувствуете себя в безопасности.

Он окинул взглядом лицо Джулианны, потом серьезно посмотрел ей в глаза:

– Да, я действительно не чувствую себя здесь в безопасности.

Джулианна медленно поднялась из-за стола. Шарль наблюдал за ней, и она сильно сомневалась в том, что сможет сейчас произнести хоть слово. Так что она просто повернулась и вышла из комнаты. Джулианна направилась вниз, чувствуя, как все тело горит томительным огнем страсти. Может быть, ей следовало поцеловать Шарля? Почему-то она была уверена в том, что он позволил бы ей это.

Оказавшись в библиотеке, Джулианна остановилась, поймав себя на том, что смотрит сквозь стеклянные дверцы оружейного шкафа. Внутри, на полках, стояли три пистолета и три мушкета. Шкаф не был заперт. Его никогда не запирали. Когда таможенники внезапно появились в бухте, оружие требовалось немедленно. Джулианна вытащила пистолет и закрыла стеклянную дверцу. Потом, взяв со стола порох и кремь, отправилась обратно, наверх.

Шарль стоял у окна, напряженно глядя на дверь и явно ожидая ее возвращения. Его глаза округлились, когда он увидел Джулианну с пистолетом и приспособлениями для стрельбы.

Их взгляды встретились. Все еще скованная невиданной силы вожейдением, Джулианна пересекла комнату и вручила Шарлю пистолет. Потом с трудом выдавила из себя:

– Сомневаюсь, что вам потребуется пустить его в ход.

Шарль заткнул пистолет за пояс своих бриджей. Джулианна протянула ему кремь и порох. Шарль надел через голову ремешок сумки с порохом, перекинув его через одно плечо, и положил кремь в карман. Потом медленно потянулся к Джулианне.

Она подошла к Шарлю и оказалась в кольце его рук.

Но он не поцеловал ее.

– Надеюсь, не потребуется.

Дрожа всем телом, Джулианна скользнула руками по его сильному плечу.

Шарль серьезно, без улыбки, смотрел на Джулианну. Он провел по ее щеке кончиками пальцев, убрал ей за ухо выбившийся из прически завиток.

– Благодарю вас.

Джулианна вымученно кивнула – и Шарль выпустил ее из объятий.

Глава 4

Он услышал Джулианну прежде, чем она появилась в дверном проеме. Доминик отодвинул в сторону карты, принесенные ранее Джулианной, уже досконально ознакомившись с самой южной частью Корнуолла. Взяв перо, он вернулся к письму, которое сочинял своей «семье» во Франции. В конце концов, именно так поступил бы Шарль Морис, и, если Джулианне когда-либо вздумается шпионить за ним, она сможет прочесть это ободряющее письмо, написанное его несуществующей семье. Доминик давным-давно обучился всем этим тщательным предосторожностям, позволявшим гарантировать, что никто и никогда не заподозрит его в использовании вымышленного имени.

Джулианна появилась на пороге комнаты, улыбаясь. Доминик медленно улыбнулся в ответ, глядя ей в глаза. Его немного мучило чувство вины. Он был многим обязан Джулианне, эта молодая женщина спасла ему жизнь. И теперь он понимал, что она вряд ли была бы так сильно очарована Домиником Педжетом – титулованным, влиятельным тори. Доминика почти потрясло осознание того, что вся его жизнь свелась к этой непрерывной игре – обману, заговорам и контрзаговорам.

Доминик еще недостаточно хорошо узнал Джулианну, но уже понял, что она была искренне доброй, точно так же, как и умной, образованной, упрямой. Ну а кроме того, она отличалась исключительной красотой, но совершенно не осознавала этого.

Доминик откровенно любовался Джулианной, понимая, что она заметила это очевидное восхищение ею. При одном взгляде на спасительницу его охватывало неистовое возбуждение. Сейчас Доминик шел на поправку еще быстрее, чем прежде, и его тело начинало настоятельно напоминать о своих потребностях, нуждавшихся в немедленном утолении.

Он знал, что не должен обольщать Джулианну. Она была леди, женщина знатного происхождения, без опыта в амурных делах, да вдобавок влюбленная в вымышленного персонажа – не в него самого. Она и без того уже стала податливой глиной в его руках. Проблема заключалась в том, что Доминик совершенно не терзался соображениями морали. Он был абсолютно уверен в том, что период его пребывания в Лондоне, куда он направится из Корнуолла, будет кратким. Задачей этой командировки будет гарантировать, что англичане помогут армии Мишеля Жаклина, снова снабдив войска всем необходимым. Как только Доминик договорится об этом и убедится в том, что надлежащее количество войск, оружия и других жизненно необходимых ресурсов направлено в Вандею, его отправят назад, в долину Луары или Париж.

Все его тело мучительно напряглось при одном воспоминании о Франции. Доминик изо всех сил пытался не позволить воспоминаниям о боевых действиях и разъяренной толпе принять ясные очертания. Его и так безмерно измучили сны о смерти и собственном страхе и теперь выматывало то, что малейший жест, случайно брошенное слово могли снова вызвать все те ужасные воспоминания, заставить их нахлынуть с пугающей яркостью.

– Я принесла чай, – тихо сказала Джулианна. – Я помешала?

Напротив, Доминик предвкушал возможность побыть с ней наедине. Джулианна оказалась интересной женщиной, и их беседы никогда не были приземленными, обыденными. И все же иногда у него возникало желание встряхнуть девушку, вложить хоть немного здравого смысла в ее простодушную голову.

Ей не стоило доверять ему!

Доминик не спешил с ответом, внимательно рассматривая Джулианну. Он невольно спрашивал себя, что она почувствовала бы, если бы когда-нибудь узнала правду о Франции – или о нем.

Иногда Доминика так и тянуло все ей рассказать. Подобное желание появлялось обычно в те мгновения, когда Джулианна несла весь этот возвышенный вздор о свободе и равенстве во

Франции – и для всех людей. Доминика моментально охватывал гнев, который он, впрочем, умело скрывал. Как же ему хотелось поведать ей, что цель не всегда оправдывает средства, что Франция превратилась в одно сплошное кровавое месиво, что ни в чем не повинные мужчины и женщины гибнут каждый день, что он ненавидит тиранию, охватившую страну, что это именно тирания, а никакая не свобода!

Случалось, Доминику хотелось крикнуть Джулианне, что он – аристократ, а не какой-то там проклятый революционер, что его мать была французской виконтессой, что он – граф Бедфордский!

Но было в ощущениях Доминика и нечто большее. Временами, когда Джулианна смотрела на него сияющими серыми глазами, он чувствовал острый укол совести, и это безмерно его удивляло. В такие моменты ему особенно хотелось крикнуть Джулианне, что он – вовсе не герой. Не было ничего героического в том, чтобы управлять магазином гравюр в Париже и заискивать перед местными жандармами, чтобы они никогда не узнали о нем правду, или превозносить якобинцев и водить с ними дружбу, чтобы те действительно сочли его единомышленником.

Писать шифровки при мерцании свечи, а потом тайно доставлять их через сеть курьеров к побережью, чтобы переправить в Лондон, – эту деятельность нельзя было назвать героической. Скорее ужасающей. Не было ничего героического и в том, чтобы притворяться французом или изображать офицера французской армии, как и в том, чтобы схватить мушкет и броситься в самое пекло битвы, борясь из последних сил, чтобы защитить предоставленные по праву рождения привилегии в сражении с соплеменниками. Все это было настоятельной потребностью, вопросом выживания.

Все это было сущим безумием.

Легко представить, какой потрясенной и испуганной была бы Джулианна, узнай она обо всем этом!

Но она никогда не услышала бы подобную чепуху из его уст. Доминик слишком сильно слился с маской вымышленного персонажа, чтобы ненароком выдать себя. Если бы кто-нибудь в Грейстоуне выяснил, что он – англичанин, не говоря уже о том, что он – Педжет, одно единственно верное, очевидное умозаключение не заставило бы себя ждать: этот раненый – британский шпион. В конце концов, его перевезли из Франции, он говорит по-французски и выдает себя за француза. Прийти к верному выводу было бы проще простого.

В этом случае опасаться сестры и двоих братьев Джулианны, разумеется, не стоило бы – они были патриотами. Не беспокоила Доминика и их мать: из подслушанного случайного разговора стало понятно, что она – душевнобольная.

И все-таки было желательно, если бы обитатели Грейстоуна никогда не раскрыли тайну его личности. Лишь пять человек знали, что Доминик Педжет, граф Бедфордский, был британским агентом, работавшим под вымышленным именем во Франции. Этими людьми были: Уиндхэм, военный министр; Себастьян Уорлок, считавшийся куратором их шпионской сети; Эдмунд Берк, обладавший значительным весом в правительственных кругах; давний друг Доминика граф Сент-Джаст и, разумеется, Мишель Жаклин.

Этот круг посвященных не должен был расширяться – никогда. Чем больше людей узнали бы правду, тем выше была бы вероятность того, что Доминика разоблачат.

Еще одна проблема, иного рода, была связана с Джулианной. Она не была рьяной патриоткой. Эти друзья из Парижа могли в самое ближайшее время завербовать ее для активной работы в собственных интересах – именно так и работали якобинские клубы. Даже теперь он не мог ей полностью доверять. Собственно, он вообще ей не доверял, ведь однажды она могла бы выяснить, что он – Доминик Педжет.

Рано или поздно он вернется во Францию и продолжит борьбу за свою землю и своих людей. Ребенком Доминик каждое лето проводил в замке своей матери. Теперь этот замок

принадлежал ему. Мужчины и мальчики, совсем недавно погибшие близ Нанта, были его соседями, друзьями и родственниками. Доминик знал Мишеля Жаклина с детства. Жаклин уже потерял свое поместье – оно было дотла сожжено революционерами. Но они не могли сжечь его титул – точно так же, как не могли уничтожить право, данное ему от рождения, – или его патриотизм.

Если бы Джулианна однажды узнала, кем на самом деле является Доминик, и выдала его тайну своим французским друзьям, он оказался бы в еще большей опасности. Внутри Франции действовали обширные шпионские сети. Люди, которых Доминик считал обычными простолюдинами, и люди, которых он знал как жандармов, могли получить его приметы и пуститься в охоту за ним. Ни один человек в Париже не мог доверять даже живущей по соседству добродушной матери семейства или пожилому торговцу книгами, державшему лавку на той же улице. Сосед шпионил за соседом, друг следил за другом. Агенты государства рыскали повсюду, ища предателей. Враги революции теперь были обезглавлены. В Париже это называлось Террором. В этом городе не осталось ничего, кроме созерцания жандармов, которые вели закованного в кандалы обвиняемого к гильотине под одобрительные возгласы уличной толпы. Не осталось ничего, кроме вида улицы, становящейся красной от крови. Нет, Доминик не выжил бы в случае разоблачения и ареста!

Но он вел себя чрезвычайно осторожно. Если все пойдет по плану, он оправится от раны и просто покинет этот дом. Доминик отправится в Лондон, чтобы спланировать пополнение запасов воюющих в Вандее военным министерством, но Джулианна должна быть уверена, что он вернулся во Францию и возобновил командование войсками французской армии.

Какая же злая ирония таилась в этой ситуации!

Да, Джулианна действительно мешала ему, подумал Доминик. Она мешала, потому что все это было игрой, а не настоящим флиртом. Он был не ее офицером французской армии, сговарившим от желания пообщаться с ней за чашечкой чая, а британским агентом, которому требовалось добраться до Лондона, а потом вернуться во Францию. По оценке Доминика, пройдет еще неделя, прежде чем он был бы готов покинуть этот дом и отправиться в Лондон. Речь идет как минимум о двухдневной поездке в экипаже. Но через несколько дней или даже неделю Доминик сможет украсть лошадь или карету и поехать к Сент-Джасту. Даже если Гренвилла не окажется дома – а весьма вероятно, что так и будет, – штат его слуг со всех ног кинется выполнять каждый приказ Доминика, как только он объяснит, кем является.

Теперь было понятно, что время, проводимое в компании Джулианны, близится к завершению. Совсем скоро Доминику придется покинуть Грейстоун под предлогом возвращения во Францию. Его прикрытие не будет поставлено под угрозу, Джулианна запомнит его как героя, а ее братья станут считать его контрабандистом, которому они спасли жизнь.

Это было бы идеальное решение проблемы.

– Вы как-то странно на меня смотрите, – тихо заметила Джулианна.

Доминик улыбнулся ей.

– Простите. На вас хочется смотреть, – ответил он чистой правдой и мягко добавил: – Мне нравится смотреть на вас, Джулианна, очень нравится.

Она больше не краснела от каждого его слова, но Доминик знал, что его лесть явно пришлась ей по душе.

– Вы можете быть просто невыносимым, Шарль! – отозвалась Джулианна, посмотрев ему прямо в глаза. – Мне тоже нравится смотреть на вас.

Джулианна уселась напротив него и начала разливать чай, дрожа всем телом. Доминик хотел ее, но она была так невинна... И все-таки он не стал бы долго раздумывать над тем, чтобы взять ее девственность, если бы на самом деле был мужчиной, которым она так сильно увлеклась. Доминик был бы рад заполучить такую женщину в любовницы, общаться с ней,

делить с ней постель. Он мог открыть для нее самые прекрасные вещи в жизни или показать ей достопримечательности Лондона. Но этому не суждено было сбыться – никогда.

– Вы такой задумчивый сегодня, – сказала Джулианна, подавая ему чашку и блюдце. – Вы думаете о своей семье?

– Вы очень проницательны, – солгал Доминик.

– Вы, должно быть, скучаете по родным, – добавила она, все так же пристально глядя на него. – Вы хотя бы понимаете, что задали мне множество вопросов, тогда как я не спросила у вас вообще ничего?

– В самом деле? – Доминик притворился, что удивлен. – Вы можете спрашивать меня обо всем, о чем пожелаете, Джулианна.

Внешне он казался легкомысленным, но внутри стремительно нарастала тревога.

– Кто такая Надин?

Доминик с изумлением воззрился на Джулианну. Откуда она узнала о Надин? Что он наговорил в бреду? Доминик старался не думать о своей невесте. Он знал, что никогда не забудет месяцы, проведенные в отчаянных попытках найти Надин, а потом в конечном счете ему ничего не осталось, кроме как смириться и заключить, что такова была ее участь.

– Я говорил о ней, когда был в бреду?

Джулианна кивнула:

– Вы приняли меня за нее, Шарль.

В любой ситуации всегда было лучше придерживаться правды, насколько это представлялось возможным.

– Надин была моей невестой, – объяснил Доминик. – Она оказалась в самом центре мятежа в Париже и погибла в ходе беспорядков.

– Мне очень жаль! – ужаснулась Джулианна.

– Париж небезопасен даже для санкюлютов, – сказал он, имея в виду безработных и бездомных. – К несчастью, толпы слишком часто подстрекают к насилию.

Стараясь сохранять хладнокровие, Доминик продолжил:

– Надин сбили с ног, когда она пыталась пробраться сквозь толпу.

Это было чистой правдой. Доминик знал Надин с детства, и их помолвка не стала ни для кого сюрпризом. Родовое поместье Надин располагалось за пределами Нанта, совсем недалеко от замка его матери, ниже по дороге. Семья Надин бежала из Франции вскоре после ее смерти.

Доминик много раз представлял себе гибель Надин в мятежной толпе, но сейчас старался гнать от себя эту картину. Старался не думать, не допускать до сознания то, что говорил. Старался не чувствовать.

– Видимо, вы больше ничего не хотите узнать.

Повисла долгая пауза, прежде чем Джулианна обрела способность говорить. Ее серые глаза блестели непролитыми слезами.

– Думаю, эта разъяренная толпа протестовала против безработицы и высоких цен. Каждый заслуживает работы, достойной заработной платы и доступной цены за кусок хлеба. Бедные не могут накормить свои семьи или даже просто защитить их!

«Речь истинного радикала», – мрачно подумал Доминик.

– Политики используют это бедственное положение, провоцируя беспорядки, – сказал он, несколько не кривя душой. – Да, у каждого должны быть работа и зарплата, но радикалы – якобинцы – намеренно подстрекают толпу к насилию. Страх правит улицами – и людьми. Это – сила для тех, кто способен вызывать страх. А невинные, вроде Надин, попавшие в водоворот насилия, становятся жертвами этой силы.

Доминик понимал, что должен остановиться, но на самом деле он не сказал ничего неправильного. В конце концов, так говорил бы любой мужчина, нежно любимая невеста которого погибла в толпе.

Джулианна колебалась.

– То, что произошло с вашей невестой, по-настоящему ужасно, Шарль. Но вдумайтесь: если бы вы умирали с голоду и остались без средств к существованию или если бы ваш работодатель платил сущие гроши за ваш труд, сам купаясь в роскоши, разве вы не вышли бы на улицу, чтобы выразить свой протест? И я не нуждалась бы ни в каком руководстве или побуждении к бунту. И с чего бы якобинцам подстрекать к столь необузданному насилию? Я знаю, что они дорожат человеческой жизнью – они едва ли желают смерти невинным сторонним наблюдателям протестов.

«Как же она ошибается!» – уныло подумал Доминик. Джулианна решительно не понимала, как власть способна исказить даже самую великую цель.

– Боюсь, я не питаю симпатии к политикам, даже к радикально настроенным. – Он заставил себя смягчиться, думая о том, что пора бы перевести разговор в иное русло.

Но Джулианна была озадачена его словами.

– Вы говорите почти как мой брат Лукас. Он поддерживает реформы, но не революцию. Он не выносит толпу. Он обвиняет радикалов в Париже в тех же самых действиях, что и вы. А еще Лукас боится насилия здесь, на родине.

– Реформы могут проходить мягко, а насилие всегда будет порождать страх.

Ее глаза изумленно округлились.

– Французское дворянство – французский король – никогда не дали бы стране конституцию без существенного давления, Шарль. Обеспечение гарантии прав исходит от сотен угнетенных людей, поднявшихся на протест.

Доминик улыбнулся Джулианне, осознавая, что она действительно верит в то, что говорит. Но давление, о котором она упомянула, вызвало казнь короля Людовика. Из-за этого, с позволения сказать, «давления» теперь рухнули надежды на установление конституционной монархии. Тысячи французских аристократов покинули страну – и больше никогда не вернутся на родину. Их поместья были отняты или даже уничтожены. Ну почему же Джулианна не видела ужасающих лишений, которые принесла революция? Почему не осознавала, какой страшной силой были эти неистовые и жестокие толпы – и сколько невинных мужчин, женщин и детей погибли по их вине? Пойми она это, стала бы по-прежнему настаивать на том, что это была свобода? Равенство?

– Я – против угнетения. Да и кто стал бы настаивать на ином? Но насилие, захлестнувшее Францию, недопустимо. Существуют разные пути, позволяющие достичь одной и той же цели, Джулианна, – после долгого молчания сказал Доминик.

Она уставилась на него, потрясенная этой речью. Потом наконец спросила:

– Вы были мобилизованы?

Доминик понял, что слишком увлекся, и пора идти на попятную.

– Я добровольцем пошел на войну, – ровно произнес он. – Во Франции нет никакой мобилизации. Разумеется, я – не против революции, Джулианна. И все же я предпочел бы другие средства – другое начало преобразований. Но созыв Третьего национального конвента привел нас к этой междоусобной войне, и возврата нет. Ни в чем не повинные мужчины – и совсем еще мальчишки – продолжают умирать. Думаю, я даже рад, что вы на самом деле не понимаете суровой реальности.

– Нет, я все понимаю, – прошептала Джулианна, накрывая его руку своей ладонью. – И мне так жаль тех, кого вы потеряли! А еще мне очень жаль, что на вашу долю выпало так много страданий...

«Она вообще ничего не понимает», – с досадой подумал Доминик.

– Я буду сражаться не на жизнь, а на смерть ради своей цели – ради свободы.

А свобода для него означала возможность жить в долине Луары без страха репрессий – без страха, что у него отнимут собственный дом. Сейчас его родные и друзья боролись за эту

самую свободу в долине Луары, израсходовав все запасы оружия и еды и отчаянно нуждаясь в подкреплении.

– Вы пугаете меня.

Он взглянул на Джулианну.

Желание заключить ее в объятия становилось все более настойчивым.

– Я не собирался этого делать.

Она спасла ему жизнь, и Доминик был у нее в неоплатном долгу, что не подразумевало подобного обмана. Как не подразумевало и обольщения. Но Доминик не мог отрицать то невероятное влечение, которое чувствовал к этой женщине.

– Вы боитесь меня.

– Да, – прошептала она.

– Смерть – часть войны, Джулианна. Даже вам это известно.

– Как вы можете так легкомысленно рассуждать об этом? – вскричала она.

В этот момент Доминик захотел признаться Джулианне, насколько все это для него серьезно. Но он никогда не сказал бы ей ничего подобного, поэтому небрежно бросил:

– Рано или поздно умирают все – либо из-за войны, либо из-за болезни, либо от старости.

Пораженная, она смотрела на него во все глаза.

– Я должна спросить у вас кое-что, Шарль, и это для меня очень непросто.

Он взглянул на нее бесстрастно, хотя душу кольнула тревога.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы потеряли Надин?

Доминик тут же все понял.

– Это произошло полтора года назад, Джулианна. – Ответив, он заметил вспышку облегчения в ее глазах и в который раз испытал угрызения совести. Неужели она действительно влюбилась в своего придуманного героя революции? – За последние несколько лет вокруг было так много смерти... Тут поневоле научишься мириться с этим довольно быстро.

Джулианна встала, подошла к Доминику и положила дрожавшие руки ему на плечи.

– Вы все еще любите ее?

– Нет.

– Ах, простите! – Она наполовину отвернулась. – Мне не стоило спрашивать. Это было эгоистично с моей стороны.

Доминик поднялся, заключил Джулианну в объятия, и ее мягкое, с пышными формами, чувственное тело мгновенно воспламенило его.

– Вы имели полное право спросить об этом.

Она задрожала. Сейчас Доминик мог чувствовать в ней ту же безрассудную, настойчивую потребность, которую ощущал сам. Коснувшись подбородка Джулианны, он приподнял ее лицо.

– Я очень привязался к вам, Джулианна.

– Я тоже, – выдохнула она. – Я так рада... что Джек привез вас сюда. Я так счастлива... что мы с вами – друзья.

Он сосредоточенно, с особым вниманием посмотрел на ее приоткрытые губы. Мыслить связно становилось все труднее.

– Но мы – больше чем друзья, не так ли? – тихо спросил Доминик.

– Да, мы – больше чем друзья, – хрипло прошептала Джулианна.

– Совсем скоро я вернусь во Францию, – наконец-то сказал он правду.

Ее глаза наполнились слезами.

– А я буду скучать по вас.

И в этот момент, когда они посмотрели в глаза друг другу, Доминик услышал, как внизу хлопнула входная дверь.

Он не мог поверить, что сестра Джулианны вернулась домой так не вовремя. Амелия могла зайти в спальню и застать их – ни Доминику, ни его хитрой «легенде» подобная неловкость не сослужила бы хорошую службу. Но пути назад отныне уже не было. И определенно, один поцелуй никак не навредил бы ни Джулианне, ни ему самому.

Доминик склонился над Джулианной, прикоснувшись ртом к ее губам. А потом медленно, очень осторожно подался вперед, так что ее уста соединились с его губами. Стоило им слиться в поцелуе, как на Доминика нахлынула ослепляющая волна неистового, страстного желания.

Джулианна чуть не задохнулась, вцепившись в его плечи и открываясь его ласкам.

Доминик почувствовал, как вожделение откликается внутри странной, мучительной болью. Пока он требовательно терзал губы Джулианны, воспоминания о крови и смерти, ярости и ненависти, горе и отчаянии поглощали его. Одна половина Доминика находилась во Франции, страдая, другая же была с Джулианной, паря на крыльях экстаза. Он не мог оторваться от этих желанных губ, не мог сдерживать свои порывы. И не хотел этого.

Поцелуй стал глубже, настойчивее, словно Доминик жаждал получить от Джулианны все, и ее язык соединялся с его языком в неистовом, страстном танце...

И Доминик вдруг в который раз подумал о том, что ей следует быть осторожнее и не доверять незнакомцу.

Амелия с Джулианной отправились в городок Сент-Джаст за продуктами. Доминик стоял на верху лестницы, оставаясь незамеченным, и наблюдал, как сестры выходят из дома.

Джулианну беспокоила необходимость оставить его одного на час-другой, но Доминик успокоил ее.

Она взяла с него обещание, что он будет отдыхать. Доминик держался стойко и невозмутимо, однако в душе чувствовал волнение.

Теперь шпионаж был его второй натурой. Все, что он узнал о Грейстоуне, семье, в которую попал, о местности и ее жителях, поведала ему Джулианна. Доминику не терпелось осмотреть дом, тщательно все здесь обследовать, сунуть нос в жизнь хозяев и их дела. Он не рассчитывал выяснить слишком много, но никогда ведь не знаешь, на что можно ненароком наткнуться... Самые большие ожидания Доминик связывал с Джеком Грейстоуном. Тот мог сколько угодно заверять, что ему безразлична война, и прикидываться обычным контрабандистом, но на самом деле наверняка был активно вовлечен в происходящие события.

Доминик вошел в женскую спальню. Он увидел две кровати, две прикроватные тумбочки, на каждой из которых стояло по свече, висевшую на настенных крючках одежду – и понял, что сестры делили одну спальню. Джулианна носила наряды исключительно из белого муслина, тогда как Амелия предпочитала серые платья, словно нарочно пытаясь придать своему облику унылость.

Десять минут потребовалось Доминику, чтобы скрупулезно обыскать комнату. Он нашел несколько старых журналов, немного туалетных принадлежностей, запасные свечи и скрученные в трубочку письма, спрятанные в гардеробе под стопкой блузок.

Доминик замер на месте, озадаченный этой находкой. Сверток был перевязан голубой лентой, и в голову тут же пришло, что эти письма принадлежали Джулианне.

Но потом Доминик мельком взглянул на одно из них – и понял, что это были любовные письма, адресованные Амелии. Испытав странное облегчение, он аккуратно положил письма туда, где их нашел.

Следующая комната принадлежала Джеку. В этом Доминик не сомневался. Все здесь пахло кораблями и морем.

Доминик бросился быстро, но тщательно обыскивать комнату. На глаза не попадалось ничего интересного, пока он не заглянул под матрас, где обнаружил с десяток навигационных

морских карт. Карты были начерчены дотошно, с учетом всех мелочей. У него возникло ощущение, что Джек Грейстоун составил эти карты сам. Доминик уселся на кровать, тщательно рассматривая первую карту, на которой была в деталях изображена бухта у мыса Лендс-Энд, вплоть до подводных рифов и скал. Он быстро просмотрел все карты. Джек начертил весь Корнуолльский полуостров, от мыса Корнуолл, чуть выше Сент-Джаста, к Пензансу.

А еще там нашлись карты бухт и берегов близ Бреста.

Доминик снова взглянул на одну из корнуолльских карт. Кое-где Джек пометил побережье крестиками. Оставалось только гадать, что означали эти знаки.

Местность выше Сент-Джаста Джек обозначил звездочкой, написав над ней слово «флот».

– Какой мудрец! – пробормотал Доминик.

И в этот самый момент с улицы донеслось ржание лошади.

Он вскочил, подбежал к окну и увидел Амелию и Джулианну. Они выходили из кареты, неся огромные корзины. Доминик невозмутимо повернулся и принялся аккуратно сворачивать каждую карту. Сестрам понадобится несколько минут, чтобы выгрузить покупки, подумал он, собираясь положить все карты в том же самом порядке, в котором их и обнаружил.

Старательно складывая в прежней последовательности карты, теперь скрученные и перевязанные, Доминик услышал хлопок входной двери. Он приподнял матрас и положил карты на место, потом аккуратно расправил покрывала. Доминик был абсолютно уверен в том, что удачливый контрабандист окажется достаточно проницательным, чтобы заметить: в его личной комнате что-то трогали.

Входная дверь снова хлопнула.

Довольный тем, что спальня выглядела точно так же, как тогда, когда он только-только в ней оказался, Доминик подошел к окну и выглянул наружу. Он слегка встревожился, увидев у кареты лишь Джулианну, достававшую оставшиеся пакеты. Куда подевалась ее сестра?

Джулианна легко поддавалась на обман, но Доминик не питал подобных иллюзий в отношении Амелии. Старшая из сестер словно не замечала его привлекательности. И обладала, кстати, внушительным запасом здравого смысла. Хотя фактически они были в некотором смысле союзниками, в этот самый момент считались врагами – Доминику приходилось поддерживать «легенду». Он не хотел обманывать и старшую сестру, которая явно дала понять, что ей нет ровным счетом никакого дела до Шарля Мориса.

Доминик уже пересекал коридор, когда на самом верху лестницы появилась Амелия. Глаза старшей сестры удивленно округлились, стоило ей заметить гостя дома.

Его сердце учащенно забилося, но он тут же приказал себе успокоиться. И улыбнулся Амелии.

– Мне показалось, я слышал лошадь.

– Вы были в комнате Джека? – спросила Амелия.

– Я подошел к окну, чтобы посмотреть на дорогу. Я могу помочь с пакетами? – любезно предложил Доминик.

Амелия пристально взглянула на него. Разумеется, гостю было совершенно неприемлемо заходить без приглашения в чьи-либо личные покои. Она прошла мимо него и открыла дверь в спальню Джека, словно ожидала увидеть там беспорядок.

– Прошу меня простить, – дружелюбно сказал Доминик. – Дверь оказалась приоткрытой, и я знал, что вашего брата нет дома.

Амелия яростно, с громким стуком захлопнула дверь.

– Понятно. Вы проводите много времени с моей сестрой, и она ведет с вами откровенные беседы, не так ли?

– Она – необыкновенная женщина. Я благодарен ей за приятную компанию во время моего выздоровления.

Амелия метнула в него резкий взгляд:

– Я не глупа, сэр. Вы можете сколько угодно отрабатывать свои хитрые уловки на моей сестре, но я категорически не одобряю вас и ваши методы.

Прежде чем он успел ответить, раздался голос задыхавшейся от возмущения Джулианны:

– Амелия!

Они как по команде обернулись, увидев Джулианну на лестничной площадке. Она бросилась к ним.

– Он был в спальне Джека, – поведала Амелия.

Джулианна удивленно воззрилась на Доминика.

– Я услышал лошадь, – невозмутимо объяснил провинившийся гость, – и подошел к окну, чтобы посмотреть, кто приехал.

Он многозначительно взглянул на Джулианну.

И она тут же поняла значение этого странного взгляда, вспомнив об исходившей от соседей опасности. Джулианна обернулась к сестре:

– Амелия, никто не должен узнать, кто он или что он находится здесь. Нам не следовало оставлять его одного! Разумеется, он встал с кровати, чтобы посмотреть, кто приехал. Наши друзья – не его друзья.

Взгляд Амелии с сомнением метался между Домиником и Джулианной.

– Надеюсь, ты права.

– Ты не доверяешь ему, потому что он напоминает тебе Сент-Джаста, – предположила Джулианна.

«Интересно, о чем это она?» – пронеслось в голове Доминика.

Амелия вздрогнула:

– Это очень грубо с твоей стороны, Джулианна. Твой француз не имеет ничего общего с Сент-Джастом – они даже внешне разные.

– У них одинаковый облик, одинаковая манера держаться, – не сдавалась Джулианна. Она обернулась к Доминику: – Все в порядке, месье, ничего страшного не произошло.

Амелия взяла ее за руку.

– Я хотела бы поговорить с тобой внизу. – Потом старшая сестра обратилась к Доминику: – Вам не нужно спускаться вниз и помогать с покупками. Вы, как-никак, больны.

Он улыбнулся ей:

– Я хотел бы помочь.

– Исключено. – Амелия резко повернулась и, прошагав через коридор, принялась спускаться вниз.

– Мне очень жаль, – тихо произнесла Джулианна.

– Она беспокоится о вас. Я едва ли могу осуждать ее. – Доминик подошел ближе, вызывая в памяти воспоминания об их весьма пылком поцелуе этим утром. – Вам не стоит обсуждать меня с ней.

– Вы правы. Но она как суетливая наседка. Вечно расспрашивает о времени, которое мы проводим вместе.

– Отвлеките ее на что-нибудь другое, – посоветовал Доминик. Потом потянулся к Джулианне, чтобы погладить ее подбородок большим пальцем. Этот жест был импульсивным, непроизвольным. Осознав, как сильно он хочет прикоснуться к ней, Доминик отдернул руку.

Джулианна помедлила, не решаясь дать волю чувствам, но все-таки погладила ладонью его щеку, не сумев скрыть пылкого взгляда.

Все тело Доминика напряглось от желания.

– У нас так мало времени, Джулианна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.